

КЛАРДЖЕС

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

Кларджес

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Кларджес / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908607-5

Гэйвин Кудеяр тщательно скрывал свое прошлое. Но он повстречался с амарантой Джасинты и вскоре понял, что мудрость его новой подруги, несколько не соответствующая ее очевидной молодости, позволяла ей видеть его насквозь — следовательно, она должна была умереть. Для Джасинты смерть оказалась всего лишь временной неприятностью, но после ее воскресения существование Гэйвина Кудеяра превратилось в бесконечный ад!

ISBN 978-5-44-908607-5

© Вэнс Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
1	6
2	8
3	11
Глава II	23
1	23
2	25
3	26
Глава III	30
1	30
2	32
Глава IV	34
1	34
2	35
Глава V	40
1	40
2	43
Глава VI	45
1	45
2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Кларджес

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2019

© Александр Фет, перевод, 2019

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4490-8607-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

1

Кларджес, последний мегаполис Земли, простирался на пятьдесят километров вдоль северного берега реки Чант – там, где она только начинала превращаться в широкую дельту.

В древнем Кларджесе нередко встречались сооружения, монументы, усадьбы, выдавшие виды таверны, причалы и склады двух- или даже трехтысячелетнего возраста. Граждане Предела высоко ценили эти напоминания о прошлом, бессознательно приносившие им успокоение, внушавшие мистическое ощущение отождествления с непрерывностью бытия. Тем не менее, единственная в своем роде система свободного предпринимательства, в условиях которой они жили, побуждала их к изобретательности. Таким образом, Кларджес представлял собой любопытное хаотическое сочетание седой старины и дерзкой новизны, а его обитатели – как в этом, так и в других отношениях – испытывали постоянные напряжения, вызванные непоследовательностью и даже несовместимостью их эмоций.

Ни один город никогда не мог сравниться с Кларджесом величиим и мрачной красотой. Башни Мерцанта возвышались, как гигантские кристаллы турмалина, утопая вершинами в плывущих облаках. Их окружали огромные торговые центры, театры и многоквартирные комплексы, а ничем не примечательные индустриальные окраины скрывались за горизонтом. Самые престижные жилые районы – Баллиасс, Эрдистон, Вандун, Храмовый Сонм – расположились на склонах холмов к северу и к югу от центра, откуда открывались прекрасные виды на реку. В Кларджесе все было в движении, все пульсировало жизненной энергией, стремлением к новым достижениям. Миллионы окон блестели в солнечных лучах, бульвары наполнились потоками машин, стаи летательных аппаратов сновали по воздушным проспектам. Мужчины и женщины ходили по улицам бодро и целенаправленно, не теряя времени.

За рекой находилось Разводье – плоская, серовато-бурая пустошь, необжитая и бесполезная, где ничто не росло, кроме скрюченных низкорослых ив и красновато-желтого тростника. Разводью вообще незачем было бы существовать, если бы не тот факт, что двести пятьдесят гектаров этой пустоши занимал Карневал.

На гнетущем фоне Разводья Карневал пламенел подобно цветку на отвале шлака. На его двухстах пятидесяти гектарах сосредоточилось разнообразие разноцветных огней и полотнищ, пышных зрелищ и процессий, изумительных изобретений и приспособлений – развлекавших, потрясавших воображение, приносивших покой и облегчение.

Собственно в городе распорядок жизни определялся деловой активностью. Но Карневал существовал в своем, особом ритме. Утром здесь царила тишина. В полдень можно было слышать шуршание и гудение уборочных и моечных машин, но лишь изредка – шаги случайного прохожего. После полудня Карневал мало-помалу просыпался, содрогаясь и прихорашиваясь, как бабочка, появившаяся из куколки. С заходом солнца наступало кратковременное затишье, тут же сменявшееся безудержной волной эмоций и наслаждений, превосходивших всякое представление о самозабвении.

По периферии Карневала мчались пассажирские «кометы» фирмы «Гранд-Пиротек»: «Сангреаль Раблун», «Золотая Глориана», «Таинственный изумруд», «Меланхтон» и «Ультралазурь» – каждая особой окраски, каждая с огненным хвостом особого оттенка. Павильоны переливались призматическими отражениями, с пагод ниспадали огненные каскады, воздух искрился мириадами искусственных светлячков. По широким проспектам, по бульварам и аллеям теснилась непрерывными встречными потоками толпа. С грохотом механических аттракционов, шипящим ревом проносившихся над головой «комет», выкриками зывал

и барышников, переборами струн лютен и цитр, хрипловатыми арпеджио аккордеонов, колокольным перезвоном зовелл, жалобными напевами лемуток и блестящими пассажами эктринов смешивались шуршание сотен тысяч подошв, гул возбужденного бормотания, испуганные, удивленные и радостные восклицания.

С наступлением ночи опьянение Карневала становилось вещью в себе. Празднующие во всевозможных костюмах, масках и головных уборах проталкивались сквозь шумовую завесу гудков, песен и наигрышей, вдыхая душистые туманы и облачка ароматизированной пудры. Диктуемые сдержанностью условности превращались в хрупкие препоны, преодолеваемые с наслаждением; все странное и необычное привлекало пристальное внимание, ощущения обострялись и нагнетались до головокружения и пароксизмов, испытывались границы интенсивности и спектра человеческого восприятия.

В полночь буйство Карневала достигало кульминации. Стыдливость больше не существовала, добродетель и порок не имели значения. Безудержный смех то и дело сменялся иступленными рыданиями, но эти приступы быстро проходили, будучи не более чем проявлениями психического оргазма. Мало-помалу ночь тускнела и мрачнела, уверенный энтузиазм толпы истощался, беспорядочное движение замедлялось, под ногами валялись маски, сорванные людьми в растрепанных нарядах. Сонливые, обессиленные, ошалевшие мужчины и женщины спускались, пошатываясь, на платформы скоростного подземного транспорта, развозившие их по домам – одних в Баллиасс, других в Ослиную слободу, одних в усадьбы, других в однокомнатные квартиры. Карневал посещали представители всех пяти фил – распада, дебютантов, аспирантов, кандидатов и амарантов – а также, разумеется, гларки. Здесь, в Карневале, они смешивались без расчета, без зависти, чтобы забыть о заботах и огорчениях, чтобы разрядить повседневное напряжение соревнования. Здесь они тратили деньги и – что гораздо важнее денег – драгоценные мгновения своей жизни.

2

Человек в бронзовой маске стоял в будке перед Дворцом Жизни и зазывал толпу. Вокруг его головы порхали искусственные светлячки в форме символов вечности; над ним красовалось изображение идеального графика жизни – яркая линия, плавной половиной параболы устремлявшаяся ввысь через уровни пяти фил.

Человек в бронзовой маске говорил с тревожной настойчивостью: «Друзья мои! Какого бы уровня вы ни достигли, послушайте меня! Неужели ваша жизнь не стоит одного флорина? Суждены ли вам бесчисленные годы? Войдите во Дворец Жизни! Вы благословите дидактора Монкюра и его непревзойденные методы!»

Зазывала прикоснулся к переключателю; из скрытого источника послышался низкий голос, хрипловатый и пульсирующий – мало-помалу голос становился все выше, все напряженнее: «Подъем! Подъем! Придите во Дворец Жизни и поднимайтесь, фила за филой! Дидактор Монкюр проанализирует ваше будущее! Вы узнаете, в чем заключается его знаменитая методика! Всего лишь один флорин – за вход во Дворец Жизни!»

Странный голос повышался октава за октавой, внушая нарастающее ощущение беспокойства и неустойчивости, пока не превратился в визгливый писк, исчезнувший за пределами слышимости. Человек в будке, напротив, говорил успокаивающим тоном; если исходивший ниоткуда истерический голос напоминал о противоречивых напряжениях настоящего, зазывала и его слова убеждали в надежности грядущего, в способности человека контролировать свою судьбу:

«У каждого есть мозг – практически такой же, как у любого другого. Почему же тогда одни из нас остаются в распыле, тогда как другие становятся дебютантами, а иные – аспирантами, кандидатами и амарантами?»

Зазывала наклонился вперед, словно готовый поделиться потрясающим откровением: «Секрет жизни – в методике подъема! Дидактор Монкюр обучит вас своим методам! Неужели вы упустите шанс приобрести вечность за один флорин? Заходите же! Посетите Дворец Жизни!»

Многие прохожие платили флорин; временами у входа собиралась даже небольшая толпа желающих опередить друг друга. В конце концов зал Дворца Жизни заполнился.

Человек в бронзовой маске спустился из будки. Чья-то рука взяла его за предплечье. Он яростно развернулся – так резко, что прикоснувшийся к нему человек отскочил.

«Кудеяр, ты меня напугал! Это я, Базиль!»

«Да-да, что тебе нужно?» – сухо отозвался Гэйвин Кудеяр. Низкорослый толстяк, Базиль Тинкуп напялил костюм сказочной птицы – в том числе жилет из зеленых искусственных листьев с металлическим отливом. Ноги его были покрыты красной и серой чешуей, а лицо окаймляли, как лепестки цветка, черные перья. Даже если Тинкуп заметил недружелюбную реакцию Кудеяра, он предпочел игнорировать это обстоятельство.

«Я ожидал, что ты со мной свяжешься, – пожаловался Базиль Тинкуп. – Мне казалось, что во время нашей последней беседы мне удалось тебя убедить...»

Кудеяр покачал головой: «Мне не подойдет такая профессия».

«Но подумай о будущем! – возразил Тинкуп. – Неужели ты не видишь противоречия в том, что ты призываешь других прилагать все возможные усилия, а сам остаешься гларком?»¹

Кудеяр пожал плечами: «Всему свое время».

---

¹ Гларк (этимология этого слова неизвестна; возможно, оно происходит от выражения «гей-ларк», т. е. «весельчак-проказник»); человек, не участвующий в «справедливом соревновании»; гларки составляли примерно пятую часть населения Кларджеса.

«Всеу свое время? Незаменимые годы проходят безвозвратно, а ты даже не начал подниматься!»

«У каждого свои планы. Я готовлюсь».

«Ты готовишься, пока другие продвигаются! Не слишком эффективная стратегия, Гэйвин».

«Позволь мне открыть тебе тайну, – сказал Кудеяр. – С тем условием, конечно, что ты никому об этом не расскажешь».

«Разве я не доказал свою надежность? – обиделся Базиль Тинкуп. – Уже семь лет...»

«Семь лет исполнится через месяц. Через месяц я зарегистрируюсь в расплоде».

«Рад слышать! Пойдем, опрокинем по бокалу, чтобы отпраздновать твой успех!»

«Я должен сторожить будку».

Базиль покачал головой, каковое усилие заставило его покачнуться – он очевидно успел изрядно нализаться: «Гэйвин, я тебя не понимаю. Прошло семь лет, а теперь...»

«Прошло *почти* семь лет».

Базиль Тинкуп несколько раз моргнул: «На месяц больше, на месяц меньше – какая разница? Все равно я тебя никак не пойму».

«Каждый человек – загадка. На самом деле я предельно прост. Если бы ты знал меня лучше, ты сразу в этом убедился бы».

Базиль пропустил последнее замечание мимо ушей: «Заходи ко мне в Баллиасский паллиаторий». Он наклонился поближе к Кудеяру – торчавшие вокруг его физиономии перья прикоснулись к бронзовой маске. «Я пробую несколько новых, практически еще никому не известных методов, – доверительно понизив голос, сообщил Базиль. – Если все получится, нам обоим обеспечено существенное продвижение. Я у тебя в долгу и хотел бы, по меньшей мере в какой-то степени, отдать свой долг».

Кудеяр рассмеялся – бронзовая маска придавала его смеху раскатистую гулкость: «О каком долге может быть речь, Базиль?»

«Нет уж, не скажи! – взволновался Тинкуп. – Если бы не твое вмешательство, где бы я был сегодня? Все еще на палубе „Ампродекса“!»

Кудеяр пренебрежительно отмахнулся. Семь лет тому назад он и Базиль работали матросами на борту баржи-фруктовоза под наименованием «Ампродекс». Капитан судна, Геспер Уэллси, грузный человек с пышными черными усами, отличался носорожьим нравом. Уэллси был дебютантом, но никакие усилия, сколько он ни старался, не помогали ему проникнуть в филу аспирантов. Десять лет продления жизни, полагавшиеся ему как дебютанту, нисколько его не радовали – напротив, он испытывал по этому поводу ярость унижения. В один прекрасный день, когда его баржа заходила в эстуарий Чанта и в дымке горизонта уже виднелись башни Мерцанта, Геспер Уэллси поддался приступу катто.² Схватив пожарный топор, капитан разрубил голову судового механика, разбил иллюминаторы кубрика и поспешил к отсеку реактора, намереваясь высадить закрытую на шифрованный замок дверь и расплющить замедлитель, чтобы его постылую баржу разнесло взрывом на тридцать километров по всей округе.

Никто не мог остановить безумца. Потрясенная убийством команда сгрудилась как можно дальше от Уэллси, на подзоре кормы. Сжимая стучавшие от страха зубы, Кудеяр двинулся вперед, надеясь улучшить момент и наброситься капитану на спину, но при виде окровавленного топора ноги отказались служить ему. Схватившись за поручень, Кудеяр видел, как Базиль Тинкуп, работавший в трюме, поднялся на палубу, посмотрел по сторонам и направился к капитану – тот замахнулся топором. Базиль отскочил. Уэллси бешено рубил воздух. Базиль ловко уворачивался, пригибаясь и перебегая с места на место – и в то же время пытался успокоить капитана чем-то вроде вежливого отвлекающего разговора. Будучи неспособен снести

---

² Катто: маниакально-кататонический синдром.

Базиллю голову, Уэллси перешел из маниакального в кататоническое состояние и свалился без чувств на палубу, выронив топор.

Кудеяр подбежал к застывшему в столбняке телу капитана и повернулся к Базиллю: «Как это у тебя получилось? Ты сотворил чудо!» Облегченно рассмеявшись, он прибавил: «Ты быстро продвинешься в паллиатории!»

Базиль сомневался: «Ты не шутишь?»

«Ни в коем случае!»

Вздыхнув, Базиль покачал головой: «У меня нет никакого опыта».

«Тебе не нужен опыт, – утверждал Кудеяр. – Все, что требуется – проворство и выдержка. Они будут за тобой гоняться, пока не выдохнутся. Поверь мне, Базиль Тинкуп, тебе предстоит блестящая карьера!»

Базиль все еще не верил в себя: «Хотелось бы надеяться...»

«Попробуй! Попытка – не пытка».

Базиль попробовал – и через пять лет стал дебютантом. Теперь он испытывал к Кудеяру безграничную благодарность. Прощаясь с зазывалой в бронзовой маске перед входом в Дворец Жизни, Базиль хлопнул его по спине: «Заходи ко мне в паллиаторий! В конце концов, я нынче – ассистент психопатолога. Мы что-нибудь придумаем, чтобы ты сразу приступил к подъему. Великих свершений поначалу ожидать не придется, конечно, но ты быстро приобретешь необходимые навыки».

Кудеяр снова рассмеялся, на этот раз иронически: «Служить мальчиком для битья в лечебнице для маньяков? Нет, это не для меня, Базиль». Он вернулся в будку, расталкивая летучие символы вечности, и принялся зазывать прохожих голосом звенящим, как труба: «Поднимайтесь круче и быстрее! Дидактору Монкюру известна тайна продления жизни! Прочтите его трактаты! Применяйте его тонизирующие препараты! Пройдите его курс подготовки! Подъем, подъем, подъем!»

3

В те времена слову «подъем» придавалось особое значение. «Подъемом» называли продвижение человека из одной филы в другую; «кривая подъема» прослеживала его прошлое и позволяла предсказать время его кончины. Строго говоря, «подъем» определялся как крутизна или угол наклона производной графика карьеры человека, отражавшей соотношение его достижений и его возраста.

Основой существовавшей системы служил действовавший уже триста лет закон «О справедливом соревновании», проведенный в эпоху Мальтузианской смуты. Неизбежность такого закона в будущем была очевидна еще со времен Левенгука и Пастера – по сути дела, он являлся логическим следствием характера развития всей истории человечества. По мере того, как болезни и вырождение сводились к минимуму благодаря все более эффективному медицинскому вмешательству, численность населения Земли увеличивалась все быстрее, удваиваясь каждые несколько лет. Если бы этот процесс продолжался непрерывно, через три столетия человеческие тела должны были покрыть всю поверхность планеты слоем толщиной в тридцать пять метров.

В принципе существовали различные способы решения этой проблемы: принудительный контроль рождаемости, крупномасштабное производство синтетических и пелагических пищевых продуктов, рекламация пустынь и болот, эвтаназия для дебилов и дегенератов. Но в мире, где люди руководствуются тысячами различных несовместимых и непримиримых представлений о жизни, практическое применение теорий невозможно. Как только в Институте Всемирного Союза разработали и усовершенствовали методы окончательного и бесповоротного предотвращения старения, начались первые беспорядки. Наступила эпоха Мальтузианской смуты, то есть, в просторечии, Великого Голода.

Мятежи вспыхнули по всему миру, набег в поисках съестного превратился в настоящие войны местного масштаба. Города грабили и жгли, голодные толпы бежали в поля и леса, где еще можно было найти какую-то провизию. Слабые не выживали – трупов становилось больше, чем живых.

Волна насилия схлынула на фоне всеобщего опустошения. Обескровленный мир лишился трех четвертей населения. Расы и национальности смешались, политические барьеры исчезли, но затем возродились там, где сохранились экономические структуры.

Один из таких регионов, Предел Кларджеса, пострадавший меньше других, стал оплотом цивилизации. В силу необходимости его границы были закрыты. Одичавшие банды атаковали электрические баррикады Кларджеса, надеясь преодолеть их благодаря внезапности или решительности натиска. В результате по периметру Предела по земле валялись сотни обугленных трупов.

Так возникло мифическое представление о бездушной жестокости обитателей Предела; в каждом племени кочевников каждый ребенок впитывал ненависть к Кларджесу с молоком матери.

В Кларджесе находились учреждения Института бывшего Всемирного Союза, и в них все еще проводились исследования. Ходили слухи о том, что члены Института умели продлевать себе жизнь. Слухи эти не совсем соответствовали действительности. Действительность заключалась в том, что исследователи из Института разработали методы, позволявшие им жить вечно.

Когда этот факт стал достоянием гласности, граждане Кларджеса разгневались не на шутку. Неужели уроки Великого Голода были забыты так скоро? Проводили яростные демонстрации протеста, составляли сотни заговоров, выдвигали сотни противоречивых предложений. В конце концов был подготовлен и неохотно утвержден законопроект «О справед-

ливом соревновании». По существу, новая система общественного устройства вознаграждала полезные достижения продлением жизни на срок, пропорциональный значению таких достижений.

Законом предусматривались пять уровней вознаграждения, то есть пять «фил»: исходная, первая, вторая, третья, четвертая и пятая. Со временем исходную филу прозвали «расплодом», вторую – «дебютантами», третью – «аспирантами», а четвертую – «кандидатами». Когда первоначальная группа исследователей из Института Всемирного Союза учредила «Общество Амарантов», высшую пятую филу окрестили «амарантами».

Законом «О справедливом соревновании» тщательно определялись условия продвижения из одной филы в следующую. Рождение ребенка не давало ему никакого наследственного права на принадлежность к той или иной филе. В любое время по достижении шестнадцатилетнего возраста человек мог зарегистрироваться в исходной филе «расплода» – и тем самым принять на себя обязательство соблюдать положения закона «О справедливом соревновании».

Отказ от регистрации никак не наказывался; «отказнику» предоставлялась возможность жить и умереть естественной смертью, не проходя курсы омоложения, разработанные Институтom Всемирного Союза. Средняя продолжительность естественной жизни составляла 82 года. Таких людей называли «гларками», и в Кларджесе они не пользовались практически никаким престижем.

По закону «О справедливом соревновании» продолжительность жизни «расплода» приравнивалась средней продолжительности жизни «отказников», то есть примерно 82 годам. Продвинувшись в филу «дебютантов», человек проходил в Институте курс омоложения организма, продлевавший жизнь на десять лет. Достигнув третьей филы, он поощрялся еще шестнадцатью годами жизни. «Кандидат» омолаживался дополнительно на двадцать лет. Только проникнув в немногочисленную элитарную филу амарантов, кандидат получал высшую награду.

В те времена в Кларджесе проживали двадцать миллионов человек, а максимальная приемлемая численность населения оценивалась на уровне двадцати пяти миллионов. Разумеется, горожан становилось все больше, и допустимый предел был достигнут очень скоро. Возникла пренеприятнейшая проблема: когда представитель той или иной филы доживал до конца положенного ему срока, что надлежало с ним делать? Эмиграция рассматривалась как сомнительный выход из положения. Кларджес ненавидели во всем мире; сделать шаг за границу Предела было равнозначно самоубийству. Тем не менее, с целью изучения проблемы был назначен государственный секретарь по вопросам эмиграции.

Секретарь по вопросам эмиграции представил доклад на очередном заседании Пританеона, в исключительно напряженной атмосфере.

Более или менее варварское подобие упорядоченного общественного устройства поддерживалось на Земле в пяти регионах: на Кюпре, на полуострове Су-Вантр,³ в Гондванской империи, в Сингалиене и в Новом Риме. Во всех этих областях иммиграция была запрещена или допускалась исключительно на основе обмена одинаковыми количествами мигрантов, что делало рассмотрение такого варианта практически бессмысленным.

Предел мог расширять свою территорию посредством аннексии окружающих земель вооруженными силами – до тех пор, пока вся планета не оказалась бы под управлением Кларджеса. В таком случае необходимость решения проблемы перенаселения только откладывалась, но сама проблема не решалась.

Пританеон выслушал доклад в мрачном молчании и внес в закон «О справедливом соревновании» соответствующие поправки. Государственному секретарю по вопросам эмиграции было поручено приводить рост народонаселения в соответствие с целями, предусмотренными

³ Sous-Ventre (франц.) – «Подбрюшный» (прим. перев.).

законом. Другими словами, Эмиграционный секретариат был уполномочен исключать из числа обитателей Предела любого человека, достигшего положенного ему по закону максимального возраста.

Поправки были приняты не без недобрых предчувствий. Некоторые считали новое положение вещей безнравственным, но другие указывали на очевидные опасности, связанные с перенаселением. Они подчеркивали то обстоятельство, что каждый человек принимал решение самостоятельно: предстояло ли ему умереть естественной смертью или подчиниться постановлениям правительства, надеясь продвинуться до высшей филы за оставшиеся годы жизни. Принимая второе решение, он тем самым заключал безотзывный договор и в конце своей жизни не лишался ничего, что принадлежало бы ему безусловно. Он ничего не терял – и в то же время получал шанс на приобретение самого драгоценного сокровища, доступного воображению.

Закон «О справедливом соревновании» вступил в силу вместе с поправками. В «соревновании» участвовало подавляющее большинство населения. Достижение статуса «дебютанта» не было сопряжено с существенными трудностями, особенно в молодости. Достаточно было вести себя ответственно, участвовать в общественных мероприятиях и демонстрировать высокую производительность на рабочем месте. Продвинуться в следующую филу было уже не так просто, но возможно для любого целеустремленного человека, обладавшего достаточными способностями. Стимулируемые ограничениями и перспективами новой системы, такие люди нередко заявляли о себе и добивались успеха. В результате в Кларджесе наступил Золотой Век. Науки, искусства и технические изобретения – всевозможные знания и навыки – развивались и достигали неслыханных прежде рубежей.

Шли годы, и в закон «О справедливом соревновании» вносили дополнительные изменения. Теперь срок жизни, назначаемый представителям той или иной филы, определялся с учетом переменных параметров – таких, как ежегодный объем производства, число граждан, получивших право на прохождение того или иного курса омоложения, пропорциональное соотношение численности гларков и общего народонаселения и тому подобных соображений.

С тем, чтобы предусмотренная законом формула могла применяться на основе анализа характеристик каждого индивидуального гражданина, соорудили гигантский вычислительный центр, так называемый «Актуарий». В Актуарии не только рассчитывались и регистрировались данные: в нем распечатывался, по запросу, «график жизни» любого человека, позволявший подателю запроса проверять крутизну подъема линии своей жизни, а также степень ее приближения к горизонтальной границе следующей филы или к терминатору – вертикальной границе существования.

Когда линия жизни пересекала терминатор, секретарь по вопросам эмиграции и его помощники-палачи выполняли мрачные обязанности, возложенные на них законом. Это был безжалостный, но упорядоченный и неизбежный процесс.

Система была не лишена недостатков. Творчески мыслящие люди стремились теперь работать в областях, непосредственная полезность которых демонстрировалась на практике, избегая направлений, не суливших скорейшего признания и повышения профессиональной репутации. В том, что касалось изящных искусств, преобладали академические стандарты; бунтарские, фантастические и абсурдные вещи – а также, по большей части, произведения мрачные и трагические – стали прерогативой гларков.

Конечно же, необходимость карабкаться по иерархической лестнице фил сопровождалась тревогой и разочарованиями; паллиатории переполнялись теми, кто предпочитал небытие непрерывному приложению усилий.

По мере того, как одно поколение сменялось другим, эмоциональная неизбежность «подъема» стала преобладать в представлении обитателей Предела над любыми другими целями и побуждениями. Каждый час сознательного существования был посвящен работе, пла-

нированию дальнейшей работы или изучению методов, способствовавших достижению успеха. Непрофессиональные увлечения и атлетические амбиции встречались редко, многолюдные собрания потеряли популярность. В отсутствие «предохранительного клапана», позволявшего разряжать напряжение, мало кому из рядовых граждан Кларджеса удалось бы избежать нервного срыва и заключения в паллиаторий. Таким предохранительным клапаном служил Карневал. Горожанин посещал Карневал примерно два раза в месяц, причем существенной частью его гардероба был карнавальный костюм, а у многих были несколько таких костюмов. В Карневале обычный человек, мысли которого были вечно заняты работой, мог найти отдохновение, мог удовлетворить любую подавленную страсть, забыть о любых неудачах и огорчениях.

В Карневале время от времени развлекались, в великолепных нарядах, даже амаранты. Скрываясь под анонимными масками, здесь они могли игнорировать условности, обременявшие их в связи с высоким общественным положением.

Джасинта Мартин, удостоенная звания амаранты три года тому назад и завершившая эмпатическое затворничество всего лишь две недели тому назад, решила посетить Карневал.

Джасинта трижды пыталась вырваться из расплода – сначала в качестве специалиста по средневековой оркестровке (ее переложения музыкальных произведений для ансамблей древних инструментов пользовались популярностью среди эстетов), затем как исполнительница виртуозных концертных пьес для флейты и, наконец, будучи автором критических статей, посвященных современной музыке. Три раза линия ее жизни круто устремлялась вверх, после чего теряла первоначальный наклон и, поникнув, снова приближалась к горизонтали.

В возрасте сорока восьми лет Джасинта смело расширила сферу своей деятельности, занявшись общей историей развития музыки. Угол ее подъема решительно возрос, и она пробила наконец в филу дебютантов, когда ей исполнились пятьдесят четыре года. (Таков был с тех пор ее «статический возраст» до тех пор, пока ей не удалось бы приобщиться к сонму бессмертных – или до тех пор, пока у ее двери не остановился бы черный лимузин Секретариата.)

Джасинта опубликовала отчет о результатах специализированного анализа современной музыки на основе оригинальной теории истолкования акустической символики. Ее работа заслужила столько похвал, что в возрасте шестидесяти семи лет она стала аспиранткой.

Она заняла должность адъюнкт-профессора теории музыки в Чартербургском университете, но уже через четыре года сложила с себя профессорские полномочия, чтобы приступить к сочинению музыки. Эмоционально напряженная оркестровая сюита «Древний Грааль», откровенно выражавшая ее страстное стремление освободиться от оков повседневности, позволила Джасинте вознестись до уровня кандидатки в возрасте девяноста двух лет. Теперь у нее оставались еще примерно тридцать лет для того, чтобы войти в почти недостижимый круг амарантов, и она посвятила один год жизни размышлениям, отдыху и поиску новых побуждений.

Ее всегда интересовала утонченная культура королевства Сингалиен и, несмотря на очевидно непреодолимые препятствия и опасности, она решила провести «отпускной год» среди островитян-сингали.

Джасинта тщательно готовилась, изучая язык, обычаи и ритуальные позы сингалезов. Она приобрела традиционную сингалезскую одежду и придала своей коже смуглый оттенок. Для нее изготовили особый аэромобиль с автономным источником энергии (обычные воздушные транспортные средства в Кларджесе потребляли энергию стационарных передатчиков и не могли вылетать за границы Предела дальше, чем на несколько километров). Закончив приготовления, она покинула Кларджес, чтобы поселиться среди варваров, почти ежеминутно подвергаясь смертельному риску.

В Кандесте она притворилась колдуньей-знахаркой, прибывшей с дальних островов, и, благодаря нескольким химическим, медицинским и технологическим трюкам, вскоре заслужила завидную репутацию. Высокопоставленный сановник из Гондваны предложил ей про-

пуск, гарантировавший безопасный проезд в его пиратскую империю, и она с готовностью приняла этот дар. Запланированный заграничный отпуск подходил к концу, но Джасинту заморозили гондванские художники и музыканты, отождествлявшие творческие способности с жизненной силой, и она провела за рубежом еще четыре года. Многие аспекты гондванской жизни вызывали у нее отвращение – в частности, полное отсутствие сочувствия к человеческим страданиям. Будучи восприимчивой к переживаниям других, эмоционально чувствительной женщиной, на всем протяжении своего пребывания за пределами Кларджеса Джасинте приходилось бороться с приступами тошнотворного ужаса. В Тонпенге она наивно согласилась наблюдать за церемониями у подножия Великой Ступы – и то, что она там увидела, превысило возможности ее нервной системы. В приступе безудержного отвращения она покинула Гондвану и вернулась в Кларджес в состоянии шока.

Шесть месяцев упорядоченной и безопасной жизни в Пределе позволили ей восстановить душевное равновесие, и следующие несколько лет оказались самым продуктивным периодом ее жизни. Джасинта опубликовала «Обзор гондванских искусств» и ряд кинематографических эссе, посвященных различным аспектам варварских цивилизаций – гондванской музыке, подводным коралловым садам, цветущим под присмотром сингалезских рабов, пламенеющим парусам гондванских «тигровых галер», украшенным сложнейшими орнаментами из почти микроскопических элементов, танцам на вершине горы Валакунаи, которым не суждено было остановиться, покуда не остановилось движение Солнца, Луны и звезд.

В возрасте ста четырех лет ее приняли в сонм амарантов; отныне ее надлежало величать «амарантой Джасинты Мартин».

Она удалилась в затворническую келью Института как гусеница, замкнувшаяся в куколке – и преобразилась, появившись на свет в облике возвышенно-прекрасной девятнадцатилетней девушки, более или менее напоминавшей внешностью ту Джасинту Мартин, какой она была в девятнадцать лет.

Новая Джасинта в самом деле была девятнадцатилетней девушкой, а не омоложенной столетней старухой. Да, она знала все, что знала бывшая Джасинта, сохранила ее воспоминания и особенности ее личности – несмотря на то, что хорошо знающий ее человек без труда заметил бы некоторые пробелы и упущения. Тем не менее, новая Джасинта была только собой и больше никем. Все черты ее характера она унаследовала от бывшей Джасинты, но акценты сместились в ней так, что она стала совершенно новым человеком, не потеряв ничего из своей прежней жизни.

Амаранта Джасинты Мартин, девятнадцати лет от роду, обитала в грациозном взволнованном теле весьма привлекательной формы. Ей на плечи спускались пепельно-светлые волосы, гладкие и яркие. Выражение ее лица, живого и открытого, нельзя было назвать полностью бесхитростным. Придерживаясь традиции сравнения женской красоты с тем или иным цветком, амаранту Джасинты можно было бы уподобить имбирной лилии.

В годы напряженного подъема на пирамиду фил ее сексуальный опыт был ущербным и беспорядочным. Она никогда не выходила замуж, но сохраняла в этом отношении вполне разумный взгляд на вещи – когда с наступлением вечера она облачилась в гибкую и гладкую, как вторая кожа, серебристую пленку, она руководствовалась не только торжествующими инстинктами молодого здорового тела, но и психическим возбуждением, которое охватывало большинство новоиспеченных амарантов и заставляло их забыть на какое-то время о всякой сдержанности. Она приехала в Карневал без сознательного намерения или плана, не мучимая какими-либо опасениями или предчувствиями возможной вины.

Джасинта запарковала аэромобиль, быстро спустилась на диске по прозрачной трубе и вышла на Конкорс – обширный проспект в средоточии Карневала.

Там она остановилась, замороженная суматохой звуков и цветов – духом Карневала.

Усыпанные блестками головные уборы, яркие костюмы в полоску, хриплые голоса, колокольный перезвон и отрывки музыки, приглушенный рев механизмов, исходящий словно ниоткуда, повсеместный слабый запах человеческого пота, глаза, бегающие в отверстиях масок, как ошалевшие насекомые, рты – розовые и пурпурные лилии, ежесекундно готовые раскрыться, чтобы звать, смеяться и язвительно шутить, руки и ноги, изогнутые в нелепых позах, случайно пришедшие в голову шалости и дурачества, эротические ласки украдкой и покачивания прижимающихся тел, трепетание тканей, шуршание ботинок и сандалий, светящиеся разноцветные надписи и мигающие образами экраны, плывущие в воздухе рекламные светлячки и голографические символы: Карневал! Амаранте Джасинты оставалось только смешаться и слиться с потоком празднующих, раствориться в столпотворении Карневала...

Она пересекла Конкорс, повернула к Меньшему Овалу мимо «Павильона невероятных безумств» и прошла по Бульвару Аркад, рассматривая все вокруг с пристальным вниманием непривычно интенсивного восприятия. Цвета звенели у нее в глазах, как удары гонга. Она различала обертоны – сладостные, диковатые, вульгарные – в звуках, которые раньше показались бы ей ничем не примечательными. Она шла мимо арен и цирков шапито, где ей могли показать любые уродства и шутки природы, мимо Храма Истины, Голубого Грота, Лабиринта и Эротического Колледжа, где мужчины и женщины с телами акробатов и суровыми лицами демонстрировали разнообразные экзотические приемы совокупления.

Над головой плыли, покачиваясь, сотни орнаментальных и текстовых светящихся вывесок, в том числе вывеска Дворца Жизни. Стоявший в будке человек в бронзовой маске зазывал прохожих мощным, звенящим голосом. Почему-то в уме Джасинты возникло неприятное воспоминание о церемонии под Великой Ступой в Тонпенге – о том, как дьявольски красивый верховный жрец наставлял стонущую толпу новообращенных.

Амаранта Джасинты заинтересовалась и остановилась, чтобы послушать.

«Друзья мои! Какова крутизна вашего подъема? – восклицал Кудеяр. – Заходите во Дворец Жизни! Дидактор Бонзель Монкюр поможет вам, если вы ему позволите! Из расплода в дебютанты, из дебютантов в аспиранты, из аспирантов в кандидаты и, наконец, из кандидатов в амаранты! Зачем экономить считанные часы, если дидактор Монкюр подарит вам годы? Всего лишь один флорин, послушайте! Один флорин! Неужели вам жалко заплатить такую ничтожную цену за вечную жизнь?» Голос зазывалы резал слух, как бронзовый серп: «Поднимайтесь, все выше и все круче! Научитесь самогипнозу, улучшающему память! Закрепите навсегда полезнейшие навыки, обратитесь лицом к судьбе, полные надежд! Всего лишь один флорин за то, чтобы войти в чудесный Дворец Жизни дидактора Монкюра!»

Перед будкой собралась плотная группа слушателей. Кудеяр указал пальцем на одного из них: «Ты! Да – ты, аспирант! Почему не хочешь стать кандидатом?»

«Только не я. Я все еще в расплоде, починаю грузовые платформы».

«Ты выглядишь, как аспирант, тебе место в филе аспирантов. Попробуй режим, прописанный дидактором Монкюром – и через десять недель ты сможешь навсегда распрощаться со своим палачом... А ты?! – Кудеяр указал на женщину средних лет. – Что будет с твоими детьми, уважаемая?»

«Резвые щенки меня уже опередили!» – выкрикнула женщина и весело расхохоталась.

«У тебя есть шанс их обогнать! Не меньше сорока двух нынешних амарантов обязаны своим продвижением дидактору Монкюру». Зазывала заметил девушку в блестящей серебристой оболочке: «А ты, юная красавица? Неужели тебе не хочется обрести вечность?»

«Меня это не интересует», – рассмеялась амаранта Джасинты.

Кудеяр развел руками, изображая комическое потрясение: «Как так? Почему же?»

«Может быть потому, что меня вполне устраивает судьба гларков».

«Сегодня в твоей жизни может произойти бесповоротный перелом. Заплати один флорин – возможно, тебе на самом деле уготована судьба амаранты. А затем, когда, родившись

заново, ты смахнешь с лица желтую пену и взглянешь на себя – такую, какой тебе предстоит остаться навсегда – ты вспомнишь обо мне и поблаговаришь дидактора Монкюра и его непревзойденные методы!» Цепочка голубых искусственных светлячков-восьмерок вылетела из Дворца Жизни и окружила голову зазывалы в бронзовой маске: «Заходи же, если хочешь встретиться с дидактором Монкюром сегодня вечером – осталось всего несколько минут! Один флорин – всего один флорин, и кривая твоей жизни устремится вверх!»

Кудеяр спрыгнул из будки на землю. Его смена кончилась, он был свободен: припозднившиеся посетители Карневала редко проявляли желание зайти во Дворец Жизни. Он искал глазами в толпе. Одна из фигур блеснула серебром – это она! Нырнув в поток теснящихся зевак, Кудеяр догнал амаранту Джасинты.

Если даже она не ожидала увидеть его снова, серебристый блеск ее лица скрыл удивление. «Неужели дидактор Монкюр терпит такие убытки, что его зазывала вынужден гоняться за возможными клиентами, проталкиваясь через толпу?» – спросила она беззаботно-игривым тоном.

«В данный момент, – ответил Кудеяр, – я сам себе хозяин и могу делать все, что хочу, до завтрашнего заката».

«Ты знаешься с кандидатами и амарантами – зачем тебе понадобилась девушка из гларков?»

«Что за вопрос? – пожал плечами Кудеяр. – Ты красива и привлекательна. Разве ты сама это не понимаешь?»

«Почему бы еще я надела ничего не скрывающий наряд?»

«И ты пришла в Карневал одна?»

Она кивнула, покосившись на собеседника – но серебряная маска не позволяла как-либо истолковать ее взгляд.

«Если ты не возражаешь, я хотел бы тебя сопровождать».

«Что, если я решила набедокурить и подстрою тебе какую-нибудь каверзу?»

«Я готов взять на себя такой риск».

Они вышли по Бульвару Аркад на звездчатую Белларминскую площадь.

«Мы на перекрестке, – сказал Кудеяр. – Колофон ведет на Эспланаду. Малый Конкорс возвращается к центральному Конкурсу. По Пьяченце можно дойти до Кольца, а за Кольцом – квартал Тысячи Воров. Куда ты хотела бы направиться?»

«Не знаю, мне все равно. Я сюда прилетела, чтобы гулять, смотреть вокруг, испытывать ощущения».

«В таком случае выбрать придется мне. Я здесь живу и работаю, но разбираюсь в Карневале, скорее всего, не лучше тебя».

Амаранта Джасинты заинтересовалась: «Ты живешь в Карневале?»

«У меня есть квартира в районе Тысячи Воров. Там живут многие служащие Карневала».

Она вопросительно подняла брови: «Значит, ты – бербар?»

«О нет! Бербары – каста изгоев. Я обычный человек, такой же гларк, как ты. Зарабатываю на жизнь, вот и все».

«И тебе все это никогда не надоедает?» – она обвела рукой веселящуюся толпу.

«Надоедает. Иногда до изнеможения».

«Тогда почему же ты здесь живешь? До Кларджеса можно доехать за несколько минут».

Кудеяр смотрел вперед невидящими глазами. «Я редко навещаю Кларджес, – пробормотал он так, будто разговаривал сам с собой. – Раз в неделю, не чаще...» Встрепенувшись, он прибавил: «Вот станция „Гранд-Пиротека“! Мы можем взглянуть на весь Карневал, не утруждая себя ходьбой».

Они прошли под пульсирующей светом, взрывающейся искрами аркой; движущаяся дорожка вознесла их на высокую платформу. Одна из «комет», «Ультралазурь», круто повер-

нула, нырнула к платформе и остановилась. Вышли тридцать пассажиров. Тридцать человек, ожидавших на платформе, заняли места. Двери закрылись – «Ультралазурь» разогналась и унеслась ввысь, оставляя за собой хвост голубого пламени.

Сначала они летели низко, лавируя между пагодами и башнями, но затем стали подниматься все выше и выше, пока весь Карневал не простерся под ними, как призматическая снежинка; в конце концов «комета» вернулась на станцию. Взволнованная полетом, амаранта Джасинты Мартин возбужденно болтала, как ребенок.

«А теперь, – сказал Гэйвин Кудеяр, – снизойдем с небесных высот в глубины океана!» Он провел спутницу к другому portalу, ведущему вниз, в просторный темный вестибюль. Там они взошли на площадку с грибовидным основанием. Сверху опустился прозрачный пузырь, окруживший их со всех сторон. Площадка приподнялась, опустилась в канал и куда-то поплыла в непроглядном мраке. Они погрузились в подводный мир, пронизанный слабыми синими и зелеными лучами, и дрейфовали среди нагромождений разноцветных кораллов и водорослевых чащ. Рыбы подплывали, чтобы посмотреть на людей в пузыре, полипы протягивали лиловые, красные и розовые щупальца. Воздушный пузырь проплыл над огромным провалом – внизу ничего не было, кроме плотной, мутно-черной бездны.

Прозрачный шар поднялся на поверхность и открылся – они вернулись в суматоху Карневала.

Кудеяр протянул руку: «Вот Дворец Снов. Растянувшись на кушетке и закрыв глаза, там можно увидеть много странных вещей».

«Боюсь, я слишком взбудоражена, чтобы спать».

«А здесь – Дворец Далеких Миров, где можно пройти по настоящему грунту Марса и Венеры, прикоснуться ко мхам со спутников Юпитера и Сатурна, полюбоваться экзотическими ландшафтами других планет. Напротив, за Конкорсом – Дворец Откровений, забавное заведение».

Они зашли в Дворец Откровений и оказались в огромном помещении, где не было ничего, кроме нескольких плоских возвышений. На каждой платформе стоял оратор. Первый был серьезен, второй – возбужден, третий – разгневан, четвертый бился в истерике. Они кричали и спорили, обращаясь к небольшим группам слушателей, внимавших с любопытством или с почтением, с удивлением или с насмешливым презрением. Каждый из ораторов разъяснял сущность того или иного культа. Первый провозглашал себя Великим Маниту; второй обсуждал дионисийские мистерии; третий требовал, чтобы люди вернулись к поклонению стихийным силам; четвертый заявлял, что он – Мессия, и приказывал слушателям преклонить перед ним колени.

Кудеяр и амаранта Джасинты вернулись на улицу. «Смехотворное, трагическое зрелище, – заметила серебристая спутница Кудеяра. – Хорошо, что этим сумасшедшим предоставили трибуны, позволяющие им высвобождать внутренние напряжения».

«Что еще можно найти в Карневале? Хм... видишь этих людей?» – Кудеяр указал на мужчин и женщин, выходивших то вдвоем, то втроем из здания неподалеку. Одни, раскрасневшиеся и возбужденные, нервно хихикали, другие побледнели от страха. «Они покидают Дворец Таинственных Потрясений. Потрясения эти трудно назвать таинственными, они общеизвестны. Идея заключается в угрозе... – тут Кудеяр задумался, подбирая подходящий термин для описания явления, любое упоминание о котором считалось в Кларджесе неприличным. – В угрозе трансформации. Короче говоря, они платят за то, чтобы их пугали. Их сбрасывают в пропасть, они с воплями падают метров на сто, после чего их подхватывает надувная подушка. После этого над ними опрокидывается котел с расплавленным металлом; в последний момент поток металла отклоняется – но проливается так близко, что они чувствуют обжигающий жар. Великан в черной униформе, в черной шляпе и в черной маске – символизирующий палача – ведет их в темную комнату и зажимает каждого из них в своего рода гильотине. Лез-

вие падает и останавливается только тогда, когда его край начинает вжиматься в шею любителя острых ощущений. После чего они выходят из подземелья – бледные, смеющиеся, испытавшие катарсис. Может быть, нам такое очищение окажется полезным – напоследок. Не знаю».

«Этот дворец не для меня, – сказала амаранта Джасинты. – Мне катарсис не требуется, мне чужды страхи этих людей».

«В самом деле? – Кудеяр разглядывал ее сквозь прорези в бронзовой маске. – Ты считаешь, что тебе слишком рано думать о таких вещах?»

Она рассмеялась: «Меня одолевают другие страхи».

«В Карневале найдутся потрясения на все случаи жизни. Ты боишься нищеты?»

Амаранта Джасинты пожала плечами: «Не хотела бы жить так, как живут кочевники».

«Может быть, тебя заинтересует аттракцион „Помоги себе разбогатеть“?»

«Возможно – в этом что-то есть».

«Тогда пойдем!»

За вход в павильон «Помоги себе» брали десять флоринов. На Кудеяра и его спутницу надели сбруи из ремней с закрепленными сзади досками; на штырьках каждой доски висели девять бронзовых колец.

«Каждое кольцо стоит один флорин, – пояснил служитель. – Как только игрок заходит в коридоры павильона, он начинает красть кольца, висящие на спинах других игроков – столько, сколько сможет. Другие крадут его кольца. Когда все кольца игрока будут украдены, звучит зуммер. Игрока ведут к расчетной кассе, где ему выплачивают по флорину за каждое из похищенных им колец. Одни выигрывают, другие проигрывают. Ловкость, бдительность и коварство выгоднее прямолинейных попыток хватать все, что попадется. Успешный вор – смелый вор. Желаю удачи!»

Коридоры павильона на поверку оказались лабиринтом из зеркал, стеклянных перегородок и закоулков, прикрытых шторами. В центре лабиринта находился коридор со стенами, испещренными замаскированными нишами. Из-за углов выглядывали лица, из затененных альковов украдкой протягивались руки, воздух полнился торжествующим шепотом и разочарованным шипением сквозь зубы. Время от времени светильники тускнели и начинали мигать – в такие моменты слышался шорох поспешных перебежек.

На спине Кудеяра наконец включился зуммер; тут же появился служитель, который провел его к расчетной кассе. Там его уже ждала амаранта Джасинты. Кудеяр вручил кассиру похищенные им кольца и получил двенадцать флоринов.

Джасинта огорчилась: «Из меня не получится воровка. Я украдала всего три кольца. В этом искусстве мне с тобой не сравниться».

Кудеяр ухмыльнулся: «Два кольца я стибрил у тебя».

Они вышли на улицу, и Кудеяр подвел спутницу к киоску «Стиммо»: «Какого цвета?»

«Ммм... красного».

«Красные придают мне дерзости», – чуть отодвинув маску вверх, он положил пилюлю в рот. Амаранта Джасинты скептически поглядывала то на Кудеяра, то на пилюлю: «Что, если мне и так уже хватает дерзости?»

«Стимуляция сделает тебя безрассудной».

Джасинта проглотила пилюлю.

Кудеяр торжествующе расхохотался: «Вот теперь ночь начнется, как положено!» Он сделал широкий жест рукой: «Карневал!»

Они прошли по бульвару к Эспланаде. Пришвартованные к причалам баркасы и баржи сверкали мелькающей рекламой и заставляли набережную дрожать от громкой музыки. На другом берегу Чанта высились небоскребы Мерцанта; перед ними вдоль реки выстроилась длинная полоса массивных зданий пониже. Кларджес производил суровое, монументальное впечатление. Карневал был угодлив, пикантен, опьянен страстями.

Повернув на Гранадилю, они миновали Храм Астарты с его двадцатью витражными куполами и примыкавший к нему Храм Приапа. Сотни посетителей в масках и разноцветных лентах устремлялись к низким широким воротам, откуда исходил аромат цветов и душистого дерева. Дальнейший отрезок бульвара обступили с обеих сторон гигантские уроды, демоны и чудища – они раскачивались и кивали, скалили зубы и подмигивали. За ними снова начинался Конкорс.

Сознание амаранты Джасинты раздвоилось: небольшое ядро, спокойное и холодное, ютилось посреди гораздо большего пространства, проникнутого бесшабашным духом Карневала. Все ее внимание сосредоточилось на эмоциях и ощущениях; зрачки ее широко открытых глаз почернели, она много смеялась и с готовностью соглашалась со всем, что предлагал Кудеяр. Они посетили дюжину «дворцов» и попробовали галлюциногенные препараты из автомата самообслуживания. Впечатления Джасинты смешались, как краски на старой палитре.

Неподалеку несколько человек были увлечены азартной игрой, бросая дротики в живых лягушек; при каждом попадании столпившиеся кругом зеваки шумно вздыхали от садистического наслаждения.

«Это отвратительно!» – пробормотала амаранта Джасинты.

«Почему же ты на это смотришь?»

«Не могу не смотреть. В их кошмарной игре есть что-то болезненно привлекательное».

«Ты называешь это игрой? Это не игра! Они только притворяются, что в чем-то соревнуются. На самом деле им просто нравится убивать лягушек».

Амаранта Джасинты отвернулась: «Надо полагать, это извращенцы».

«Думаю, что все мы в какой-то мере извращенцы».

«Нет! – она решительно покачала головой. – Только не я!»

Приблизившись к окраине квартала Тысячи Воров, они повернули назад и присели в кафе «Памфилия», чтобы передохнуть.

Робот-манекен принес покрытые изморосью бокалы с рыжевато-алым коктейлем «Сангре де Диос».

«Это тебя освежит, – пообещал Кудеяр, – усталость пройдет».

«Но я не устала».

Кудеяр вздохнул: «А я устал».

Бессмертная Джасинта игриво наклонилась к нему: «Но ты же настаивал на том, что ночь только начинается!»

«Придется выпить несколько таких снадобий», – приподняв маску, он опорожнил бокал.

Вечная Джасинта задумчиво разглядывала его: «Ты так и не сказал, как тебя зовут».

«В Карневале это не принято».

«Не скромничай! Как тебя зовут?»

«Гэйвин».

«Я – Джасинта».

«Приятное имя».

«Гэйвин, сними маску! – внезапно приказала амаранта Джасинты. – Я хочу видеть твое лицо».

«В Карневале лучше не показывать лицо».

«Но это несправедливо, Гэйвин. Моя серебряная пленка ничего не скрывает».

«Только очень красивая – и тщеславная – женщина осмелилась бы надеть такой костюм, – серьезно сказал Кудеяр. – Для большинства из нас очарование возможно только тогда, когда мы надеваем маски. В твоём воображении под этой маской я могу быть волшебным принцем-избавителем. Но как только я ее сниму, я превращусь в обычного работягу».

«Мое воображение не нуждается в принцах», – возразила вечная Джасинта. Положив ему руку на плечо, она настаивала: «Ну сними же маску!»

«Позже, может быть».

«Ты хочешь, чтобы я представляла тебя уродом?»

«Нет, конечно».

«Значит, ты урод?»

«Надеюсь, что это не так».

Амаранта Джасинты рассмеялась: «Ты просто хочешь дразнить мое любопытство!»

«Вовсе нет. Считаю меня жертвой не поддающихся объяснению побуждений».

«Странность, которую разделяли с тобой древние туареги».

Кудеяр удивленно взглянул на собеседницу: «Поразительно, какими познаниями блещут нынче девушки-гларки».

«Мы – поразительная пара, – согласилась вечная Джасинта. – В какой филе ты состоишь?»

«Так же, как ты, я – гларк».

«А! – она понимающе кивнула. – Кое-что из того, что ты говорил, заставило меня в этом усомниться».

Кудеяр напрягся: «Что именно? Что я сказал?»

«Всему свое время, Гэйвин, – амаранта Джасинты поднялась на ноги. – А теперь, если ты выпил достаточно, чтобы взбодриться, пойдем дальше».

Кудеяр тоже встал: «Куда тебе будет угодно».

Положив руки ему на плечи, она соблазнительно взглянула ему в глаза: «Скорее всего, тебе не понравится там, куда я хочу пойти».

Кудеяр рассмеялся: «С тобой я пойду куда угодно».

«Слова, слова!»

«Я сдержу обещание».

«Хорошо, пойдем!» – она вывела его обратно на Конкорс.

Пока они шли по бульвару, прозвенел огромный гулкий гонг: наступила полночь. Воздух стал гуще, оттенки цветов – богаче, движения празднующих – осмысленными и целенаправленными, полными ритуальной страстности торжественного танца.

На ходу Кудеяр прижался к амаранте Джасинты и обнял ее за талию. «Ты – просто чудо! – хрипло говорил он. – Сказочный цветок, легендарная красавица!»

«Ах, Гэйвин! – укоряла она его. – Какой ты все-таки лжец!»

«Я говорю правду!» – обиделся он.

«Правду? Что такое правда?»

«Этого не знает никто».

Вечная Джасинта резко остановилась: «Мы узнаем правду! Храм Истины – здесь, за углом».

Кудеяр отшатнулся: «Там нет никакой истины – только злорадные глупцы, упражняющиеся в праздном остроумии».

Она взяла его под руку: «Пойдем, Гэйвин! Мы превзойдем их в злорадстве и глупости!»

«Нет уж, лучше...»

«Как же так, Гэйвин? Ты утверждал, что пойдешь со мной куда угодно».

Кудеяр неохотно позволил подвести себя ко входному portalу.

Служитель спросил: «Что вас интересует: неприкрытая истина или пристойная истина?»

«Неприкрытая!» – заявила бессмертная Джасинта.

Кудеяр начал было протестовать – амаранта Джасинты покосилась на него: «Гэйвин, разве ты не обещал...»

«Ладно, ладно! Мне нечего стыдиться – не больше, чем тебе».

«Будьте любезны, пройдите налево», – пригласил их служитель.

«Пойдем, Гэйвин! – она провела его по коридору. – Подумай только! Ты узнаешь в точности, что я о тебе думаю!»

«Значит, ты все равно заставишь меня снять маску», – пробормотал Кудеяр.

«Конечно! Разве ты не собирался это сделать так или иначе сегодня ночью? Или ты надеялся заключить меня в объятия, не снимая бронзовую маску?»

Служитель провел их в отдельные кабинки: «Здесь вы можете раздеться. Повесьте на шею пронумерованную табличку на цепочке. Возьмите с собой микрофон и, в ответ на любое замечание со стороны тех, кто вам встретится, похвальное или критическое, называйте в микрофон номер собеседника и выражайте свое мнение – так, чтобы вас не слышали окружающие. Перед тем, как вы покинете храм, вам выдадут распечатку отзывов других посетителей храма о вас».

Через пять минут в центральный зал вышла амаранта Джасинты Мартин. У нее на шее висела табличка с номером 202, у нее в руке был маленький микрофон. На ней не было никакой одежды.

Пол центрального зала был устлан глубоким жестковатым ковром, удобным для обнаженных ступней. Полсотни голых мужчин и женщин всех возрастов бродили по залу, завязывая разговоры.

Появился Гэйвин Кудеяр, с номером 98 на табличке – человек выше среднего роста, на первый взгляд моложавый, хорошо сложенный, жилистый и мускулистый. У него были густые темные волосы, бледно-серые глаза и красивое, выразительное, но грубовато-суровое лицо.

Подойдя к вечной Джасинте, он посмотрел ей в глаза и спросил срывающимся от напряжения голосом: «Почему ты так пристально меня разглядываешь?»

Она резко отвернулась и обвела глазами зал: «Теперь нам полагается прохаживаться, позволяя другим оценивать нашу внешность и наше поведение».

«Здесь люди выражают мнения с неприятной откровенностью, – заметил Кудеяр, одновременно изучая ее с головы до ног. – Тем не менее, твоя внешность не заслуживает никакой критики». Он поднес микрофон ко рту и тихо произнес несколько фраз: «Теперь мое искреннее восхищение зарегистрировано».

Минут пятнадцать они бродили по ярко освещенному залу, с удовольствием погружая ступни в прохладный ворс ковра, и обменивались несколькими фразами со встречными, стремящимися делать то же самое. После этого они вернулись в свои кабинки и оделись по-прежнему. У выхода им выдали по сложенному вдвое листку бумаги с напечатанными снаружи словами «НЕПРИКРЫТАЯ ИСТИНА». Внутри содержался перечень замечаний, высказанных теми, с кем они встретились в «храме» – в общем и в целом в высшей степени откровенных, резких и прямолинейных.

Амаранта Джасинты сперва нахмурилась, затем хихикнула и покраснела, после чего продолжала читать, насмешливо и чуть раздраженно поднимая брови.

Кудеяр сначала взглянул на свой листок почти пренебрежительно – но тут же резко наклонился к тексту и стал читать с напряженным сосредоточением:

«Я вижу знакомое лицо – где и каким образом я видела этого человека? Точно не помню. Внутренний голос подсказывает имя: амарант Грэйвена Кудесника! Но Кудесник, Чудовище из Чудовищ, предстал перед судом – его приговорили, его отдали в руки палачей! Кто, в таком случае, этот человек?»

Кудеяр поднял глаза: амаранта Джасинты наблюдала за ним. Он аккуратно сложил отчет и засунул его в карман: «Ты готова?»

«Конечно».

«Тогда пойдем отсюда».

Глава II

1

Гэйвин Кудеяр проклинал себя: безмозглый волокита, как он позволил себе распутиться! Легкомысленно увлеченный очаровательным личиком, он пустил коту под хвост семь лет непрерывной бдительности!

Джасинта могла догадываться о том, что происходило в уме Кудеяра. Бронзовая маска скрывала его лицо, но кулаки его непроизвольно сжимались, когда он читал отзыв, пальцы дрожали, когда он складывал листок бумаги и засовывал его в карман.

«Твое самомнение уязвлено?» – спросила амаранта Джасинты.

Кудеяр повернулся к ней; глаза его горели в отверстиях маски. Но когда он заговорил, голос его звучал тихо и сдержанно: «Меня трудно уязвить. Давай снова передохнем на минутку в „Памфилии“».

Они пересекли бульвар и устроились за столиком приятного кафе на террасе, украшенной орхидеями, красным мускатом и жасмином. Настроение беззаботного флирта, однако, испарилось – Кудеяр и его спутница погрузились в свои мысли.

Они сидели у самой балюстрады – до веселящейся толпы было рукой подать. Робот-официант принес высокие тонкие рюмки с пряной настойкой. Некоторое время они пробовали ее в молчании.

Амаранта Джасинты тайком поглядывала на бронзовую маску, представляя себе скрывающееся за ней сардоническое пронизательное лицо. Еще один образ предстал перед ее глазами – непрошенный, как неожиданно пришедшее в голову решение задачи – образ высокого жреца в Тонпенге, запечатлевшийся в памяти прежней Джасинты и вызывавший у нее неописуемый ужас.

Бессмертная Джасинта содрогнулась. Кудеяр быстро взглянул на нее.

Джасинта спросила: «Тебя огорчил Храм Истины?»

«Я в некотором замешательстве, – признался Кудеяр, вынимая из кармана отчет и раскрывая его. – Послушай, что тут написано». Он прочел вслух параграф, вызвавший у него волнение.

Джасинта проявила очевидный интерес: «И что же?»

Кудеяр откинулся на спинку стула: «Странно, что ты помнишь вещи, происходившие так давно – тогда, когда ты была еще подростком».

«Я?» – удивилась амаранта Джасинты.

«Во всем храме только ты знала мой номер. Как только я от тебя отошел, я повернул табличку номером к себе».

В голосе Джасинты появилась металлическая нотка: «Должна признать, что твое лицо показалось мне знакомым».

«Значит, ты меня обманула, – продолжал Кудеяр. – Ты не можешь быть гларкой, потому что семь лет тому назад тебя еще не могли интересовать политические скандалы. По той же причине можно заключить, что ты не из расплода. Значит, тебе уже сделали несколько первичных инъекций – ты по меньшей мере дебютантка, если не старше. Среди дебютантов девушки восемнадцати или девятнадцати лет встречаются редко – по сути дела, никогда не встречаются».

Амаранта Джасинты пожала плечами: «Ты возводишь величественное сооружение на фундаменте зыбких предположений».

«Ты ни в коем случае не гларка; для всех фил, кроме амарантов, ты слишком молода. Значит, ты – амаранта. Этот вывод подтверждается твоей необычной красотой: не модифицированные гены редко позволяют достигнуть такого совершенства. Могу ли я поинтересоваться, как тебя зовут на самом деле?»

«Я – амаранта Джасинты Мартин».

Кудеяр кивнул: «Мои выводы безошибочны; твои – лишь частично обоснованы. Действительно, мое лицо – лицо амаранта Грэйвена Кудесника. Мы тождественны, я – его реликт».

2

Когда амаранта принимали в Общество, ему делали последние инъекции, после чего он удалялся в затворничество. Из его тела извлекали пять клеток. По окончании желательной модификации генов эти клетки погружали в раствор питательных веществ, гормонов и различных специализированных катализаторов, в котором клетки быстро размножались – организмы росли, проходя через стадии эмбриона, младенца, ребенка и подростка, превращаясь в пять идеализированных имитаций исходного амаранта. После загрузки в них памяти прототипа они приобретали личность прототипа, становясь, во всех отношениях, суррогатами оригинала.

В процессе развития суррогатов амарант подвергался риску случайного повреждения, в связи с чем он обеспечивал свою безопасность с осторожностью, граничившей с одержимостью. По окончании затворничества, однако, опасности жизни больше ему не угрожали: если бы он был убит, подвергнувшись насилию, его всегда могла заменить в реальном мире реплика, снабженная его собственной личностью, всеми его воспоминаниями и ощущением непрерывности самосознания.

Несмотря на все меры предосторожности, изредка случалось так, что амаранта убивали во время затворничества. В таких ситуациях его еще не полностью эмпатизированные (не сопряженные сознанием с оригиналом) суррогаты становились так называемыми «реликтами». Как правило, реликтам удавалось тем или иным способом покинуть келью, в которой их вырастили, и жить своей собственной жизнью, отличаясь от обычных людей лишь бессмертием, унаследованным от прототипа. Если реликт желал подниматься по лестнице фил, он должен был зарегистрироваться в расплоте, явившись в Актуарий – так же, как любой другой горожанин. Если реликта удовлетворял статус гларка, он мог оставаться молодым в течение неопределенного срока, но в большинстве случаев предпочитал анонимное существование, стараясь не привлекать к себе внимание, так как опознание реликта неизбежно заставляло его регистрироваться в расплоте.

Гэйвин Кудеяр утверждал, что он был именно таким реликтом. Амаранта Джасинты Мартин, с другой стороны, была женщиной-суррогатом, личность и мыслительные процессы которой отождествились и синхронизировались с личностью и мышлением первоначальной Джасинты Мартин, жизнь которой угасла, как только была достигнута полная эмпатия между ней и суррогатами.

3

«Реликт! – задумчиво повторила амаранта Джасинты. – Реликт Грэйвена... сбежавший семь лет тому назад... Для реликта, прожившего так мало, ты проявляешь недюжинный интеллект».

«Я быстро приспособился, – серьезно возразил Кудеяр. – По сути дела, в наши дни способность к обобщенной адаптации – скорее недостаток, нежели преимущество. Самым крутым подъемом вознаграждаются специалисты».

Джасинта пригубила настойку: «Грэйвен Кудесник был достаточно удачлив. В какой области он продвинулся?»

«В журналистике. Он основал газету „Перспективы Кларджеса“».

«Припоминаю. Амарант Абеля Мондевиля, издателя „Глашатая“, был его конкурентом».

«И врагом. Однажды вечером они встретились на крыше Порфировой башни. Они спорили, обмениваясь гневными обвинениями. Амарант Абеля ударил амаранта Грэйвена. Грэйвен ответил тем же, и Абель упал на Картезианскую площадь с высоты трехсот пятидесяти метров». Помолчав, Кудеяр продолжал желчным тоном: «Грэйвена объявили Чудовищем. Он стал объектом всеобщего презрения. Палачей напустили на него прежде, чем он успел достигнуть полной эмпатии со своими суррогатами». Глаза Кудеяра блеснули в отверстиях маски: «Случаи насилия среди амарантов известны. Трансформация амаранта обратима. Достаточно немного подождать – не дольше нескольких недель – и следующий суррогат заменяет потерпевшего. Но амаранта Грэйвена решили наказать в пример другим – потому что Общество не могло скрыть драку на крыше и замять этот инцидент. И Грэйвена отдали в руки палачей несмотря на то, что он только что стал амарантом».

«Амаранту Грэйвена Кудесника не следовало преждевременно покидать келью, – холодно произнесла амаранта Джасинты. – Никто не заставлял его брать на себя такой риск».

«Грэйвен был импульсивным, нетерпеливым человеком. Он не мог оставаться в затворничестве так долго. Но мстительная жестокость его врагов превзошла все его ожидания!»

Амаранта Джасинты повысила голос; теперь она говорила педантично и отрывисто: «Таковы законы Предела. Тот факт, что их иногда обходят, не означает, что они по существу несправедливы. Всякий, кто совершает непристойный акт насилия, не заслуживает ничего, кроме забвения».

Кудеяр ответил не сразу. Слегка расслабившись на стуле, он молча поигрывал рюмкой и расчетливо поглядывал на собеседницу: «И что же ты теперь намерена сделать?»

Джасинта снова пригубила ликер: «Меня не радуют полученные сведения. Мое первое инстинктивное побуждение состоит в том, чтобы уличить Чудовище, но меня, разумеется, смущает...»

«Чудовища больше нет, тебе некого уличать! – прервал ее Кудеяр. – С тех пор, как амарант Грэйвена исчез, прошло семь лет: его уже забыли».

«Да, конечно», – кивнула амаранта Джасинты.

Между балясинами балюстрады протиснулась круглая физиономия, окаймленная черными перьями: «Гэйвин! Вот он где, старина Гэйвин Кудеяр!»

Спотыкаясь, Базиль Тинкуп поднялся на террасу и уселся с преувеличенной осторожностью. Его птичий наряд растрепался, черные перья поникли, наползая на лицо.

Кудеяр поднялся на ноги: «Прошу нас извинить, Базиль. Мы как раз собирались уходить».

«Не спеши, не спеши! Я нигде тебя не вижу, кроме как в будке Дворца Жизни!» Тинкуп подозревал робота и заказал выпивку. Обратившись к амаранте Джасинты, он доверительно пояснил: «Это Гэйвин, мой старый приятель».

«Неужели? – отозвалась Джасинта. – Как давно вы его знаете?»

Кудеяр медленно опустился на стул.

«Семь лет тому назад мы вытащили Гэйвина из воды. Мы работали на барже „Ампродекс“ под командованием капитана Геспера Уэллси. Мы уже почти вернулись в порт, когда у капитана случился приступ катто. Помнишь, Гэйвин? Ужасное зрелище!»

«Я все прекрасно помню», – напряженно ответил Кудеяр. Повернувшись к амаранте Джасинты, он сказал: «Пойдем, мы еще успеем...»

Она подняла ладонь: «Меня интересует рассказ твоего друга... Значит, Гэйвина Кудеяра вытащили из воды – как он оказался в воде?»

«Он заснул в аэромобиле и улетел в море так далеко, что двигатель больше не принимал энергию из Кларджеса».

«И это было семь лет тому назад?» – амаранта Джасинты бросила быстрый взгляд на Кудеяра.

«Да, с тех пор прошло примерно семь лет. Гэйвин может гораздо лучше обо всем рассказать, у него крепкая память».

«Гэйвин мало рассказывает о себе».

Базиль Тинкуп понимающе кивнул: «Только посмотрите на него – в этой бронзовой маске он похож на статую!»

И Джасинта, и Базиль внимательно разглядывали Кудеяра. Их лица расплывались у него в глазах, он чувствовал странную скованность – так, словно кто-то впрыснул ему анестезирующий препарат. Приложив немалое усилие, он заставил себя протянуть руку, взять рюмку и проглотить настойку – острая ароматная жидкость прояснила его сознание.

Базиль неловко поднялся на ноги: «Прошу прощения, мне нужно кое-куда отлучиться – зов природы, сами понимаете. Только не уходите!» Пошатываясь, он удалился вглубь террасы.

Кудеяр и Джасинта сидели за столом и смотрели друг на друга.

Джасинта тихо сказала: «Семь лет тому назад амарант Грэйвена Кудесника сбежал от палачей и скрылся. Семь лет тому назад Гэйвина Кудеяра вытащили из моря. Неважно! Чудовище уничтожено».

Кудеяр промолчал.

Базиль вернулся и тяжело плюхнулся на стул: «Я много раз уговаривал Гэйвина сменить профессию – куда он может продвинуться, работая зазывалой? У меня есть кое-какое влияние, я мог бы помочь ему начать карьеру...»

«Извините!» – Кудеяр встал и направился к туалету. Завернув за угол, он тут же зашел в телефонную будку и пробежался по клавишам дрожащими пальцами.

Экран разгорелся сине-зеленым светом, но остался пустым – только в середине появился черный кружок.

Низкий глуховатый голос спросил: «Кто звонит?»

Кудеяр включил видео, чтобы показать лицо.

«А, Гэйвин Кудеяр!»

«Мне нужно поговорить с Карлеоном».

«Он занят в музее».

«Соедини меня с Карлеоном!»

Низкий голос что-то проворчал, на мгновение звук отключился.

Экран заслонило пухлое тускло-белое лицо. На Кудеяра безразлично смотрели глаза, похожие на два матовых окатыша агата.

Кудеяр разъяснил свои пожелания. Карлеон отказался их выполнить: «Я провожу экскурсию».

«Экскурсия подождет!» – отрезал Кудеяр.

Физиономия оттенка свиного сала не выражала никаких эмоций: «Две тысячи флоринов».

«Хватит одной», – торговался Кудеяр.

«Ты богат, Кудеяр».

«Хорошо. Две тысячи. Не мешкай, однако!»

«Все будет сделано без промедления».

Кудеяр вернулся к столику на террасе. Базиль серьезно объяснял Джасинте: «Вы меня неправильно поняли – я нисколько не возражаю против детализированных методов. Каждая личность – полный спектр, богатый оттенками и спелый, как готовый сорваться с ветки фрукт. Что может найти в этом спектре посторонний ум? Какую-то одну характерную линию, не более того. Но – так же, как любой спектр содержит множество линий, существует множество различных векторов воздействия на ум каждого человека».

Бросив оценивающий взгляд на Кудеяра, амаранта Джасинты ответила Базилю: «Возникает впечатление, что вы решительно ныряете с головой в омут неразборчивой путаницы. По меньшей мере, подразделение на детальные одиночные схемы – попытка упрощения ситуации».

«Ха-ха! От вашего внимания ускользает непосредственность моего подхода. Каждый из нас предпочитает те или иные векторы воздействия, с которыми мы умеем обращаться лучше всего. Я нахожу такой вектор и сосредоточиваю на нем внимание пациента, чтобы его напряжения высвобождались с максимальной эффективностью. Но в последнее время я пытаюсь обойтись без всех этих неуклюжих, не поддающихся адаптации внешних факторов. У меня возникла новая идея – если она сработает, мне удастся нанести удар прямо по источнику проблемы! Это стало бы впечатляющим прорывом, настоящим достижением!» Базиль смущенно прервался: «Прошу простить мой энтузиазм – в Карневале не место таким рассуждениям».

«Нет-нет, все это очень любопытно», – отозвалась амаранта Джасинты. Повернувшись к Кудеяру, она спросила: «Так что же теперь, Гэйвин?»

«Ты хочешь уехать отсюда?»

Как и ожидал Кудеяр, она улыбнулась и покачала головой: «Я подожду здесь, Гэйвин. Но ты устал, тебе нужно выспаться. Возвращайся домой и хорошенько отдохни». Ее улыбка задрожала, она почти смеялась: «Со мной ничего не случится, Базиль Тинкуп проводит меня домой. Или, может быть...» Поискав глазами в толпе, она позвала: «Альбер! Дени!»

Два человека в роскошных костюмах остановились и взглянули на террасу: «Джасинта! Какой приятный сюрприз!»

Оба поднялись в кафе; Кудеяр нахмурился, его кулаки сжались.

Амаранта Джасинты представила присутствующих: «Амарант Альбера Пондиферри, амарант Дени Лестранжа. А это мои новые знакомые, Базиль Тинкуп и... Гэйвин Кудеяр».

Амарант Дени Лестранжа, стройный и элегантный, коротко стриг светлые волосы, что не соответствовало последней моде. Амарант Альбера Пондиферри, крепко сложенный темнокожий человек с блестящими черными глазами, говорил отрывисто и сухо. Оба ответили на представления привычными вежливыми фразами.

Насмешливо покосившись на Кудеяра, амаранта Джасинты заметила: «Воистину, Альбер и Дени, только в Карневале можно встретить по-настоящему интересных людей».

«Неужели?» Амаранты разглядывали Базиля и Кудеяра с безразличным любопытством.

«Базиль Тинкуп продвигается в Баллиасском паллиатории».

«Надо полагать, у нас много общих знакомых», – отозвался Дени.

«А Гэйвин Кудеяр – вы никогда не догадаетесь, чем он занимается!»

Кудеяр сжал зубы.

«Не стал бы и пытаться», – заявил Альбер.

«О, я попытаюсь! – сказал Дени, лениво поглядывая на Кудеяра. – Судя по его прекрасному телосложению, скорее всего, он – профессиональный акробат».

«А вот и нет! – воскликнула Джасинта. – Попробуй еще раз».

Дени развел руками: «Тебе придется нам помочь каким-нибудь намеком – в какой он филе?»

«Если бы я сообщила, в какой он филе, – наставительно произнесла Джасинта, – то никакой тайны уже не было бы».

Кудеяр застыл на стуле: столетняя старуха вела себя, как беспардонная девчонка!

«Не думаю, что Кудеяру нравится служить предметом обсуждения, – снисходительно заметил Альбер. – Нехорошо устраивать из него головоломку».

«Конечно, ему это не нравится! – забавлялась Джасинта. – Но в этой головоломке есть смысл. Тем не менее, если вы...»

Послышался едва заметный свист – настолько тихий и мимолетный, что на фоне карнавального шума его уловил только Кудеяр. Амаранта Джасинты поморщилась и приложила руку к плечу. Но микроскопическая игла пролетела и погрузилась под кожу так быстро, что Джасинта ничего больше не почувствовала и решила, что жалящее ощущение было вызвано случайным нервным тиком.

Базиль Тинкуп положил ладони на стол, переводя взгляд с лица на лицо: «Должен признаться, я страшно проголодался. Кто-нибудь еще не прочь закусить вареным крабом?»

Никто не отозвался на его предложение положительно. Слегка поколебавшись, Базиль тяжело поднялся из-за стола: «Спускаюсь на эспланаду и чем-нибудь закушу. В любом случае, пора возвращаться домой. Счастливыцы амаранты, вам не нужно беспокоиться о завтрашнем дне!»

Амаранты Альбера и Дени вежливо пожелали ему хорошо провести остаток ночи. Амаранта Джасинты покачивалась на стуле, часто моргая в явном замешательстве – приоткрыв рот, она судорожно глотала воздух.

Кудеяр поднялся на ноги: «Пойду с тобой, Базиль. Мне тоже пора выспаться».

Джасинта опустила голову, ее плечи сотрясались судорожными глубокими вздохами. Альбер и Дени наконец заметили происходящее и смотрели на нее с удивлением.

«Что-нибудь не так?» – спросил Кудеяр.

Джасинта не ответила.

«Похоже, что ей нехорошо, – заметил Альбер. – Она перевозбудилась – и ко всему прочему, наверное, приняла стимулянт».

«С ней все будет в порядке, – лениво отозвался Дени. – Просто ей нужно немного отдохнуть и успокоиться».

Амаранта Джасинты медленно и осторожно наклонила голову еще ниже, обхватив ее руками – ее бледные волосы распустились по столу.

«Вы уверены, что с ней все в порядке?» – с сомнением спросил Кудеяр.

«Мы о ней позаботимся, – заверил его амарант Альбера. – Пусть это вас не задерживает – вы, кажется, собирались поужинать на набережной?»

Кудеяр пожал плечами: «Что ж... пойдем, Базиль?»

Перед тем, как спуститься с террасы кафе, он бросил последний взгляд через плечо. Расставив локти, амаранта Джасинты опустила лоб на стол и не двигалась. Амаранты Альбера и Дени продолжали смотреть на нее с явно возрастающим беспокойством.

Кудеяр глубоко вздохнул: «Пойдем, Базиль. Их компания не для нас».

Глава III

1

Кудеяр чувствовал себя истощенным и отупевшим. Он попрощался с Базилем у входа в ресторан на набережной: «На самом деле я не голоден. Просто устал».

Базиль хлопнул его по плечу: «Не забудь о моем предложении! Мы всегда сможем найти для тебя какое-нибудь место в паллиатории».

Кудеяр медленно прошелся по эспланаде. Бледное зарево рассвета уже отражалось на дрожащей поверхности реки – с появлением этих первых пасмурных лучей Карневал сразу потускнел. Цветные светящиеся вывески больше не бросались в глаза, ароматные дуновения казались лишними и лишенными очарования, лица редких оставшихся прохожих осунулись, их взгляды остановились и больше никого и ничего не искали.

Кудеяр предавался горьким размышлениям. Семь лет тому назад он нанес противнику яростный удар, слишком яростный – амарант Абеля Мондевиля упал с крыши небоскреба. Сегодня для того, чтобы заставить замолчать женщину, явно намеревавшуюся его уничтожить, ему пришлось заплатить за еще одну смерть. Теперь он стал дважды Чудовищем!

Чудовище! С этим словом в представлении обитателей Предела были связаны безмерные, невыразимые позор и унижение. Само слово «смерть» считалось неприличным ругательством, а человек, причинивший смерть, был подобен ожившему призраку из кошмарного сна.

Тем не менее, Кудеяр на самом деле никого не лишил жизни. Не прошла и неделя после падения с крыши, как амарант Абеля Мондевиля возобновил существование. Новая Джасинта Мартин тоже должна была появиться на днях. Напротив, если бы семь лет тому назад палачи сумели казнить Грэйвена Кудесника, это было бы настоящим преступлением, так как у амаранта Грэйвена еще не было эмпатизированных суррогатов. Он воспользовался возможностью бежать за границу Предела в аэромобиле. По всеобщему мнению, любая попытка улететь из Кларджеса была равнозначна самоубийству – как только горожанин попадался в руки кочевников, те устраивали пышное пыточное празднество.

Не превышая максимальную дальность действия передатчиков энергии, однако, Кудесник обогнул Предел с юга, пролетев вдоль окраин пустыни Скуль, над Немым озером и Корбье-ном, оказавшись, таким образом, над Южным морем. Через некоторое время он заметил баржу «Ампродекс» и совершил посадку на воду, имитируя аварию. Его подняли на борт и приняли в состав команды, чтобы он отработал стоимость возвращения в порт Кларджеса. Так появился на свет Гэйвин Кудеяр.

Если палачи подозревали, что он их надул, теперь, узнав о его существовании, они стали бы действовать решительно и предусмотрительно. Семь лет Кудеяр скрывался, покидая Карневал не чаще раза в неделю, и даже в этих случаях изменял свою внешность с помощью живой маски «Альтер-Эго».

У него была квартира в районе Тысячи Воров, но и в этих трущобах, где жили подонки общества, никто не видел его без бронзовой маски или без маски «Альтер-Эго». Больше всего его огорчало то обстоятельство, что, по законам Кларджеса, всего лишь через месяц дело амаранта Грэйвена Кудесника, официально пропавшего без вести, должно было быть окончательно закрыто, после чего Кудесник мог бы беспрепятственно начать новую карьеру под именем Кудеяра.

Не все было потеряно, однако. Он надеялся, что ему удалось устранить последствия своей легкомысленной ошибки. Через пару недель должна была появиться новая Джасинта, не подо-

зревшая о том, как она провела ночь в Карневале, и все должно было пойти своим чередом, как прежде.

Кудеяр прошел по опустевшим утренним улицам к своей скромной квартире и свалился в постель.

2

Забывшись на пять или шесть часов в беспокойной дреме, Кудеяр проснулся, выкупался и задумчиво приготовил себе завтрак. События проведенного накануне вечера вызывали у него в высшей степени неприятные ощущения; он решил больше о них не вспоминать – только будущее имело смысл. Цель была ясна: ему следовало снова взобраться по лестнице фил и занять свое место в сонме амарантов. Но каким образом? Грэйвен Кудесник добился успеха в журналистике. Он основал «Перспективы Кларджеса», начиная с бульварного листка, который раздавали на улицах, и кончая общеизвестной и популярной ежедневной газетой. Нельзя было не учитывать, однако, существование нового амаранта Абея Мондевиля, его неумолимого врага – о повторной карьере журналиста можно было забыть.

Самый впечатляющий подъем из одной филы в другую удавалось демонстрировать представителям творческих профессий: музыкантам, живописцам, аквифакторам, пуантилистам, вязальщикам, писателям, экспрессионистам, мимам, хронотопам. Поэтому желающих сделать карьеру в этих направлениях было слишком много. Исследования космоса неизменно вознаграждались стремительным продвижением, но смертность среди астронавтов была очень высока, в связи с чем их пропорциональная доля в числе амарантов не превосходила среднюю.

На протяжении первых пяти лет после своего бегства Кудеяр кодифицировал различные системы усвоения знаний, приобретал всевозможные навыки, тренировался в применении множества методов, запоминая ссылки на полезные источники информации и заслуживая похвалы со стороны менторов, помогавших ему готовиться. Затем, внезапно, его стали обуревать сомнения. В конце концов, разве он не брел по торной тропе, которую проложили десять поколений его предшественников? Достижение мастерства в той или иной профессии было традиционным подходом к подъему; тысячи стали амарантами, руководствуясь этим принципом. Кудеяру пришлось бы, скорее всего, встать в конец очень длинной очереди, постепенно продвигаясь, шаг за шагом, к манящему призраку успеха на горизонте. Только если бы очень многие из впереди идущих отказались от борьбы, сломленные усталостью, допущенными ошибками и паническим нервным напряжением, или нашли убежище в помешательстве и закончили свои дни в паллиаториях, Кудеяр мог рассчитывать на восстановление своего бывшего положения в Обществе Амарантов.

Должны были существовать какие-то способы сокращения этого долгого извилистого пути! Кудеяру надлежало найти эти способы. Ему следовало освободиться от инстинктивного побуждения идти по стопам других и от традиционных представлений о нравственности, руководствуясь лишь безжалостной целеустремленностью. Общество Амарантов не проявило никакого сострадания к амаранту Грэйвена Кудесника – его принесли в жертву почти машинально, чтобы угодить возмущенным обывателям. Следовательно, Кудеяр мог беспощадно эксплуатировать Общество в своих интересах.

На то, чтобы привыкнуть к такому новому взгляду на вещи, у Кудеяра ушел целый год. Практически применить новые принципы и перейти к действию он еще не успел. Сидя за столом у себя в квартире, он открыл записную книжку и просмотрел подготовленный заранее перечень аргументов:

«№1

1. Подъем носит непрерывный, но слишком постепенный, минимальный характер в областях социального обслуживания, связанных с образованием (в яслях, лицеях и колледжах), с психопатологией (в паллиаториях), с измерением характеристик подъема как такового (в Актuariи) и с трансформацией (в Секретариате). Практические навыки в этих областях важнее врожденных способностей.

II. Подъем в областях изящных искусств и коммуникаций носит слишком случайный характер. Врожденные способности здесь не обязательно имеют первостепенное значение.

III. Максимальная крутизна подъема наблюдается только в области космических исследований. Соответственно, космические исследования исключительно опасны.

IV. Подъем носит постоянный характер и отличается приемлемой крутизной в областях теоретических и прикладных научных и технологических исследований. Здесь врожденные способности необходимы.

V. Среди политических деятелей и должностных лиц (таких, как члены Пританеона, трибуны и работники судов) подъем носит неопределенный, ненадежный характер и зависит от общественного мнения. Здесь личные качества, характер и умение внушить другим представление о своей искренности и добросовестности (не обязательно соответствующее действительности) важнее врожденных способностей.

а) Должность канцлера – пережиток прошлого, не более чем почетное звание, не способствующее никакому подъему.

№2

Человек, работающий в традиционных, закоснелых учреждениях и сферах приложения усилий, больше всего рискует и подвергается угрозе подрыва репутации. К самым закоснелым учреждениям относятся Актуарий и Коллегия Палачей.»

Кудеяр отложил записную книжку. Он помнил наизусть все эти записи – плоды длительных размышлений. Семь лет планирования подходили к концу. Через месяц ему предстояло явиться в Актуарий! Гэйвин Кудеяр, безвестный гларк, мог жить вечно, не привлекая к себе никакого внимания. Но Грэйвен Кудесник поднялся на вершину пирамиды фил; значит, Гэйвин Кудеяр тоже должен был это сделать – чем скорее он зарегистрируется в расплоде, тем скорее он прорвется в круг амарантов.

Глава IV

1

Месяц прошел без нежелательных событий. Кудеяр работал в обычную смену перед входом во Дворец Жизни и еженедельно посещал Кларджес по адресу, который был известен только ему одному.

Месяц закончился, и таким образом прошли семь лет с тех пор, как амарант Грэйвена Кудесника покинул Предел. Теперь Грэйвен Кудесник официально числился мертвым.

Обладатель безопасного нового имени, Гэйвин Кудеяр мог снова ходить по улицам Кларджеса без бронзовой маски и без живой маски «Альтер-Эго». Грэйвен Кудесник умер. Жил только Гэйвин Кудеяр.

Уволившись из Дворца Жизни, Кудеяр простился со своим жилищем в квартале Тысячи Воров и снял новую просторную квартиру в переулке Фариота посреди Октагона, метрах в пятистах к югу от Мерцанта и примерно на таком же расстоянии к северу от площади Эстергази и Актуария.

Рано утром он вышел на движущийся тротуар Аллеманд-авеню, доехал до улицы Олифанта, прошел три квартала навстречу восходящему солнцу и оказался на площади Эстергази. Аккуратная дорожка вела мимо кафе «Далмация» под платанами, рассредоточенными на газонах между цветочными клумбами, на дворик перед Актуарием. Кудеяр задержался в кафе, чтобы выпить кружку чая – популярного напитка среди тех, у кого было достаточно свободного времени. На дворе Актуария всегда что-нибудь происходило: человеческие драмы разыгрывались в «потогонных кабинках», выстроившихся вдоль фронтона вычислительного центра, куда горожане и горожанки Кларджеса заходили, чтобы узнать текущий статус своего «подъема».

Кудеяр никак не мог избавиться от недобрых предчувствий. Прошедшие семь лет его жизни были относительно безмятежными. С регистрацией в расцвете многое могло измениться – ему снова пришлось бы иметь дело с напряжениями и тревогами, бушевавшими других обитателей Предела.

Сидя в теплых утренних солнечных лучах, он находил неприятной перспективу повторного продвижения по лестнице статуса. Тем не менее, покончив с кружкой чая, он поднялся из-за стола, пересек дворик и зашел в Актуарий.

2

Кудеяр приблизился к длинному прилавку, обозначенному табличкой «Справочная информация». Служащий, бледный молодой человек с горящими глазами и поджатым ртом над голубоватым подбородком, спросил: «Чем я могу быть вам полезен?»

«Я хотел бы зарегистрироваться в расплоте».

«Будьте добры, заполните эту форму».

Кудеяр взял протянутую бумагу, вставил ее в прорезь кодирующей машины и ввел с клавиатуры ответы на перечисленные в форме вопросы – ответы одновременно распечатывались на бумаге и загружались в память машины.

К стойке подошла женщина средних лет. Лицо ее морщилось от беспокойства, она слегка отворачивалась от клерка, не желая встречаться глазами с его пронзительным взглядом.

«Чем я могу быть вам полезен?»

Женщина несколько раз пыталась что-то сказать, но замолкала. В конце концов она выпалила: «Это по поводу моего мужа. Его зовут Иган Фортэм. Я отсутствовала три дня, на семинаре в другом районе. Сегодня я вернулась домой, а его нигде нет». Ее голос дрожал от беспокойства: «Я подумала, что здесь мне кто-нибудь поможет его найти».

Служащий проявил сочувствие – он самостоятельно заполнил форму запроса: «Как вас зовут?»

«Голда Фортэм».

«В какой филе вы состоите?»

«Я – дебютантка, школьная учительница».

«Будьте добры, повторите – как зовут вашего мужа?»

«Иган Фортэм».

«И он состоит...»

«Он в расплоте».

«Какой у него код в системе регистрации?»

«IXD-995-AAC».

«Ваш адрес?»

«2244, тупик Клеобери, Вибльсайд».

Клерк опустил карточку в прорезь, после чего обратил внимание на серьезного подростка лет восемнадцати, только что закончившего лицей и, подобно Кудеяру, желавшего зарегистрироваться в расплоте.

Карточка выскочила из прорези. Служащий хмуро рассмотрел ее и повернулся к учительнице: «Госпожа Фортэм, в прошлый понедельник, в 8 часов 39 минут вечера, вашего супруга посетил палач».

«Благодарю вас», – прошептала Голда Фортэм и отвернулась.

Служащий мрачно опустил голову, чтобы просмотреть заявку Кудеяра: «Очень хорошо. Будьте добры, приложите большой палец правой руки к этому стеклу».

Кудеяр выполнил указание, и клерк опустил листок с отпечатком пальца в еще одну прорезь. «Нужно проверять записи, – нервно подергивая головой, пояснил он Кудеяру. – Иначе какой-нибудь проходимец мог бы зарегистрироваться повторно, увидев, что линия его жизни приближается к терминатору».

Кудеяр задумчиво погладил подбородок. Конечно же, они должны были изъять его карточку, зарегистрированную семь лет тому назад, так как его считали умершим... Кудеяр ждал, одна за другой тянулись секунды. Клерк разглядывал ногти.

Прозвучал резкий дребезжащий звонок. Служащий с недоумением повернулся к зуммеру, после чего с подозрением уставился на Кудеяра: «Дубликат!»

Кудеяр крепко схватился за край прилавка. Клерк взял возвращенную машиной карточку и прочел примечание: «Отпечаток идентичен отпечатку пальца амаранта Грэйвена Кудесника, трансформированного палачами». Молодой человек с изумлением воззрился на Кудеяра, после чего взглянул на дату: «Это было семь лет тому назад!»

«Я – его реликт, – глухо произнес Кудеяр. – Я ждал семь лет, чтобы подготовиться к поступлению в расплод».

«О! – расслабился клерк. – Вот оно что...» Надув щеки, он объявил: «В таком случае все в порядке – постольку, поскольку отпечаток пальца не принадлежит ныне живущему прототипу. Нам редко встречаются реликты».

«Нас немного».

«Верно. Хорошо, получите удостоверение». Служащий передал Кудеяру металлическую карточку: «Ваш регистрационный код: КАО-321-JCR. Когда вы пожелаете просмотреть график своей жизни, введите этот код с клавиатуры любой из кабинок перед входом и прижмите большой палец к стеклу сканирующего устройства».

«Понятно», – кивнул Кудеяр.

«А теперь, будьте добры, пройдите в отдел С – мы зарегистрируем альфа-излучение вашего мозга для расчета биотелеметрических показателей».

В отделе С девушка провела Кудеяра в кабинку и посадила его на металлический стул с прямой спинкой. Техник в белой маске надел на голову Кудеяра металлический колпак – к коже черепа Кудеяра прижались сотни электродов.

Девушка привезла черную коробку, установленную на тележке с колесиками, и закрепила на висках Кудеяра пару контактных подушек, величиной с перчатки для бокса. «Нам придется вас анестезировать, чтобы излучения мозга записывались без помех, – радостно сказала она и поднесла руку к переключателю. – Это не больно. Вы просто проведете в обмороке несколько секунд».

Девушка повернула переключатель. Кудеяр потерял сознание. Очнувшись, он не знал, сколько времени провел в беспамятстве.

Девушка сняла с него металлический колпак, одарив его безличной сверкающей улыбкой: «Большое спасибо! Вы можете выйти в первую дверь направо».

«Это все?»

«Да, это все. Теперь вы в расплode».

Кудеяр покинул Актуарий, вернулся через дворик в кафе «Далмация», занял прежнее место за столиком и заказал еще одну кружку чая.

Пока Кудеяр находился в регистратуре, над входом в Актуарий вывесили клетку из чугуновых прутьев: Клеть Позора. В клетке сгорбилась старуха – по-видимому, она нарушила какие-то правила Актуария и теперь, согласно древнему обычаю, несла наказание.

За соседним столиком сидели два субъекта – тощий верзила и пучеглазый толстяк с длинными гладкими волосами. Они обсуждали происходящее. «Красота, не правда ли? – заметил толстяк. – Старая ворона пыталась надуть Актуарий!»

«Это происходит все чаще, – отозвался его собеседник. – Когда я учился в лицее, клеткой пользовались редко – может быть, раз в год». Верзила покачал головой: «Мир изменился. Как мне надоели все эти пошлые моды, не говоря уже об извращениях и авгурах!»

Толстяк издевательски покрутил выпученными глазами: «Сегодня вечером от извращенцев проходу не будет».

«Раньше никогда не было подобных демонстраций! – тощий субъект раздраженно сплюнул. – Ночные прогулки помогали стряхнуть бремя напряжения... А что теперь? Чего хотят извращенцы? Изображают из себя чудовищ? Меня от них тошнит!»

Толстяк смотрел на дворик, улыбаясь каким-то тайным мыслям, бродившим у него в голове. «По сравнению с такими, как она, никого нельзя назвать Чудовищем, – он указал кивком на старуху в клетке. – Она хотела украсть у нас годы жизни!»

Его приятель с отвращением отвернулся: «Твою жизнь никто не украдет. Ты – гларк, и больше никем никогда не будешь».

«Ты тоже гларк».

Друзья продолжали спорить, но внимание Кудеяра привлекла стройная длинноногая девушка, пересекавшая двор бодрыми целеустремленными шагами. На ней был плещущийся на ветру серый плащ, застегнутый на шее; ее яркие светлые волосы развевались над плащом.

Кудеяр узнал амаранту Джасинты Мартин.

Она прошла рядом, перед самым входом в кафе. Кудеяр хотел было встать и пойти за ней, но сдержался. Что он мог ей сказать? Девушка взглянула на него – у нее в глазах мелькнуло что-то вроде замешательства, вызванного воспоминанием, но ее мысли были заняты другими вещами. Поправив плащ, доходивший ей до щиколоток, она исчезла за углом.

Кудеяр постепенно успокоился. Странная встреча! Новая Джасинта не могла его узнать. Для него она была не более чем одной из модных городских красавиц; Джасинте его лицо могло лишь смутно напомнить о мрачной истории, случившейся много лет тому назад.

Кудеяр заставил себя забыть о ней. Его будущее заслуживало гораздо более пристального внимания.

Он подумал о предложении Базиля Тинкупа устроить его на работу в Баллиасском паллиативной. Еще одна неприятная перспектива. Ему пришлось бы подвергаться воздействиям, способным нарушить душевный покой самого нечувствительного человека. Лучше было заняться чем-то новым или делом настолько запутанным и запущенным, что оно отпугивало большинство традиционно мыслящих людей.

Кудеяр заметил рядом стойку с газетами и журналами. Как и в любые другие времена, газетные статьи в Пределе были посвящены главным образом катастрофам, бедствиям, преступлениям и скандалам. Так или иначе, любое чтение могло подстегнуть его интеллект.

Подойдя к стойке, Кудеяр просмотрел заголовки. Улыбнувшись, он вынул свежий номер «Глашатая». Своего рода торжество поэтической справедливости! Вернувшись за столик в кафе, Кудеяр начал внимательно изучать последние новости.

Несмотря на техническое совершенство промышленных процессов, применявшихся в Пределе, на уровне обслуживания машин людьми все еще случались нарушения. Например, социологов беспокоила волна так называемых «самопроизвольных трансформаций». Кудеяр прочел:

«На долю дебютантов, в расчете на душу населения, приходится наибольшее число таких инцидентов. От дебютантов в этом отношении ненамного отстают аспиранты, а третье место занимает расплод. Кандидаты и гларки наименее подвержены этому невероятному надругательству над собой. Амарантов, разумеется, это не касается».

Кудеяр задумался. Изобретение способов опознания, задержания и наказания еще не состоявшихся самоубийц позволило бы заслужить переход в следующую филу...

Кудеяр обратил внимание на другую статью. Двух амарантов, Блэйда Дукермана и Фиделии Басби, закидали виноградом во время винодельческого фестиваля в Мейнарде, небольшом пригороде выше по течению Чанта. Судя по всему, практически все население городка присоединилось к этой забаве – швыряющая виноград толпа гонялась за амарантами по всему городку с гиканьем и улюлюканьем. Местные власти неприятно пораженные этой постыдной вспышкой злорадного преследования, не могли ее объяснить ничем, кроме легкого массового помешательства, вызванного опьянением. Они принесли свои извинения, с достоинством принятые амарантами Блэйда и Фиделии.

«Скорее всего, амранты вели себя чванливо», – подумал Гэйвин Кудеяр. Что ж, их заляпали виноградом. Подумаешь! Жаль, что его там не было, он охотно принял бы участие во всеобщей забаве. Нельзя ли заслужить несколько баллов, организовав развлекательные погони такого рода? Вряд ли... Кудеяр просмотрел другие столбцы. Трущобы в Госпорте собирались снести, чтобы расчистить путь для нового шестиуровневого высотного шоссе. Кто-нибудь зарабатывает на этом несколько баллов. Интервью с дидактором Тальбертом Фальконе, выдающимся психопатологом из филы кандидатов.

Дидактора Фальконе возмущала *«...непрерывно возрастающая частота психических заболеваний. Девяносто два процента больничных мест заняты пациентами с психологическими нарушениями. Одного человека из шести в том или ином возрасте принимают в паллиаторий. Очевидно, что наша методика нуждается во всесторонней реформе. Почти никто, однако, не занимается изучением этой проблемы. Психопатология – настолько неопределенная, полная противоречий область деятельности, что она не дает практически никакой надежды на приобретение известности или на последовательное накопление баллов профессиональной карьеры. Наши лучшие умы заняты другими вещами»*.

Кудеяр снова прочитал этот отрывок. Слова дидактора практически совпадали с его наблюдениями! Он продолжил изучение интервью:

«Маниакально-кататонический синдром – самое распространенное из психологических нарушений. Причина этого синдрома – ни для кого не тайна. Умный, прилежно работающий и предусмотрительный человек обнаруживает, что линия его жизни неизбежно приближается к терминатору. Никакие усилия, никакие затраты времени или умственные упражнения ему уже не помогут. Как колесница, под которую бросались отчаявшиеся в древней Индии, на него надвигается мрачная судьба. Он сдается. Он сдается окончательно и бесповоротно. Он впадает в более или менее бессознательное состояние, напоминающее гипнотический транс. Время от времени, подчиняясь неизвестному побуждению, он превращается в истерически вопящего маньяка и разрушает все вокруг, пока на него не наденут смирительную сбрую, после чего он снова впадает в кататоническое оцепенение.

Это проблема, характерная для нашей эпохи. К сожалению должен заметить, что она наблюдается все чаще, так как продвижение вверх по иерархической лестнице фил становится все более затруднительным. Неужели вы не осознаете чудовищные размеры этой трагедии? Мы подсмотрели секреты строения веществ, мы преодолели межзвездные пространства, мы построили небоскребы, утопающие вершинами в облаках, мы победили старость – мы знаем так много и можем так много! Но мы беспомощны перед преградами человеческой психики».

Кудеяр задумчиво положил газету обратно в отделение стойки. Слишком возбужденный для того, чтобы сидеть, он покинул кафе, пересек площадь Эстергази и медленно прогулялся по улице Рамбольда в направлении Мерцанта.

Вот оно, занятие, полностью удовлетворявшее его требованиям! Причем только вчера вечером Базиль Тинкуп обещал ему возможность закрепиться на первой ступеньке подъема в области психопатологии. Конечно, он не мог надеяться, что поначалу ему предложат что-нибудь лучше работы фельдшером. Неприятная работа, что и говорить. У него не было никакого опыта, ему нужно было учиться, осваивать профессиональный жаргон – может быть, даже посещать вечернюю школу. Но Базиль Тинкуп преодолел эти препятствия и теперь уже подумывает о проникновении в филу аспирантов.

Кудеяр взошел на ползущий тротуар и поехал на север. У входа в небоскреб компании «Океанические предприятия» лифт вознес его к высотному проспекту Солнечных Лучей, популярному среди любителей панорамных видов. Оттуда действительно открывался велико-

лепный вид на речное пространство Чанта протяженностью километров семьдесят: на унылые пустоши Разводья, на Карневал, блестящий отражениями, как скомканный лист разноцветной фольги, на эстуарий Чанта и на далекий морской горизонт. Внизу разверзлись бездны города, откуда доносился приглушенный низкий рев; над головой было только небо. Кудеяр ехал по тротуару, повернув лицо навстречу порывистому ветру.

Глядя на простирающийся перед ним великий город, он почувствовал внезапный прилив безудержного энтузиазма. Будущее вдохновляло его. Кларджес, Предел – славная цитадель цивилизации в одичавшем мире! Он, Гэйвин Кудеяр, однажды уже достиг непревзойденных высот.

И он покорит их снова.

Глава V

1

К северу от Мерцанта широкие извилины реки огибали Семафорный холм и скрывались в долине Ангельского Логова, после чего, вынырнув из долины, миновали Вандунский хребет, высоты которого считались самым престижным районом Кларджеса. На северном склоне Вандунского хребта находился Баллиасс – там жилье все еще стоило довольно дорого, хотя Баллиасс уже не рассматривали как цитадель городской элиты. Там обосновались, главным образом, кандидаты и некоторые самые успешные аспиранты, а также богачи-гларки, возмещавшие отсутствие подъема экстравагантным образом жизни.

Паллиаторий находился в нижней части утеса, всего лишь метрах в трехстах над Прибрежной дорогой. Кудеяр вышел из подземки на станции «Баллиасс» и, поднявшись на поверхность, очутился на бетонной платформе под обширной крышей из зеленого и синего стекла. Стрелка с надписью «Баллиасский паллиаторий» указывала на движущийся тротуар. Кудеяр вступил на ползущую дорожку, и она стала поднимать его вверх по приятному для глаз наклонному парку, засаженному деревьями, цветущим кустарником и выющимися растениями. Тротуар плавно нырнул в короткий туннель, затем снова поднялся и высадил его в вестибюле учреждения.

Кудеяр направился к стойке регистратуры и объяснил, что хотел бы видеть Базиля Тинкупа. Ему предложили подняться на третий этаж и зайти в кабинет №303. Поднявшись по эскалатору, Кудеяр с некоторым трудом нашел кабинет №303. На двери красовалась размашистая надпись, пульсирующая зеленой подсветкой:

«БАЗИЛЬ ТИНКУП

Ассистент клинического психопатолога-резидента»

Ниже, буквами поменьше, было написано:

«СЕТ КАДДИГАН

Психотерапевт»

Кудеяр отодвинул дверь и зашел внутрь.

За столом сидел человек, прилежно и сосредоточенно строивший кривые с помощью схемографа. Очевидно, это был Сет Каддиган. Высокий и жилистый, со скуластым лицом и редкими рыжими волосами, Каддиган отличался непропорционально коротким носом, в связи с чем кончик носа находился на необычном расстоянии от верхней губы. Психотерапевт нетерпеливо взглянул на Кудеяра.

«Я хотел бы видеть господина Базиля Тинкупа», – объяснил Кудеяр.

«Базиль проводит собеседование, – Каддиган вернулся к работе. – Присаживайтесь, он вернется через несколько минут».

Кудеяр, однако, подошел к стене, чтобы рассмотреть висевшие на ней фотографии – групповые снимки персонала лечебницы, по-видимому сделанные во время ежегодных загородных поездок. Каддиган, краем глаза наблюдавший за посетителем, внезапно спросил: «По какому вопросу вы решили обратиться к господину Тинкупу? Вероятно, я мог бы оказать вам содействие. Вы желаете, чтобы вас приняли в паллиаторий?»

Кудеяр рассмеялся: «Я выгляжу, как псих?»

Каддиган рассматривал его с профессиональным равнодушием: «Псих – термин, вызывающий ненаучные ассоциации. Как правило, мы его не применяем».

«Прошу прощения, – извинился Кудеяр. – Значит, вы – ученый?»

«По меньшей мере считаю себя таковым».

На столе психотерапевта лежал лист серого картона с каракулями, нанесенными красным карандашом. Кудеяр приподнял это произведение: «Кроме того, вы еще и художник?»

Каддиган взял рисунок, свысока взглянул на него и снова положил на стол. «Это изображение, – сдержанно произнес он, – нарисовал пациент. Оно используется в диагностических целях».

«Надо же! – отозвался Кудеяр. – А я было подумал, что это ваших рук дело».

«Почему вы так подумали?» – поинтересовался Каддиган.

«Как вам сказать... В этом рисунке есть что-то характерное для графиков, которыми иллюстрируют научные статьи...»

Каддиган наклонился к листу картона, чтобы внимательнее рассмотреть каракули, после чего взглянул на Кудеяра: «Вы действительно так считаете?»

«У меня возникло такое впечатление».

«Можно предположить, что вас посещают галлюцинации, сходные с видениями несчастного безумца, водившего карандашом по этому картону».

Кудеяр снова рассмеялся: «Что он пытался изобразить?»

«Пациента попросили нарисовать свой мозг».

Кудеяр заинтересовался: «У вас есть еще такие рисунки?»

«Огромное множество».

«Надо полагать, вы их как-то классифицируете?»

Каддиган указал на схемограф: «В настоящее время я занимаюсь именно этим».

«И после того, как они будут классифицированы – что дальше?»

По-видимому, Каддиган не хотел отвечать на этот вопрос. В конце концов он сказал: «Скорее всего, вам известно – это известно большинству образованных людей – что психология отстает в развитии от многих других наук».

«Таким образом, можно допустить, – задумчиво заметил Кудеяр, – что первоклассные умы, как правило, предпочитают не заниматься психологией».

Каддиган бросил быстрый взгляд на дверь в боковой стене приемной: «Трудность заключается, прежде всего, в сложности структуры человеческой нервной системы, а также в недоступности живого мозга как объекта непосредственного изучения. В библиотеках и в базах данных хранится огромное количество опубликованных работ и результатов исследований – в том числе относящихся к диагностике, основанной на анализе рисунков». Каддиган повертел в руках лист картона: «Я занимался таким анализом несчетное количество раз. Тем не менее, я все еще убежден в том, что мой подход в какой-то степени оригинален и может оказаться полезным».

«Значит, в этом направлении наблюдается застой?»

«О нет, ничего подобного! Психологические исследования ведутся во всевозможных направлениях и с самых различных точек зрения. Но все они неизменно привязаны, как арканом, к одному и тому же исходному препятствию – структура и функции мозга слишком сложны, отсутствуют методы их точного определения. Конечно, и в этой области может наблюдаться стремительный подъем – некоторым удалось стать ныне живущими амарантами благодаря переформулировке выводов Арбуана, Сачевского, Коннелла и Меллардсона. Но все это подобно перетаскиванию опавших листьев граблями из одного угла двора в другой – сегодня паллиатива так же забиты пациентами, как раньше, и применяемые нами методы лечения мало чем отличаются от древнего шарлатанства Фрейда и Юнга. Все делается по эмпирическим правилам, которые любой прилежный студент помнит так же хорошо, как знаменитый дидактор». Психотерапевт устремил на Кудеяра пронзительный взор: «Вы хотите стать амарантом?»

«Несомненно!»

«Решите одну из двадцати основных проблем психологии. И ваш подъем уже никто не остановит». Каддиган нагнулся над каракулями, тем самым показывая, что разговор закончен. Кудеяр улыбнулся, пожал плечами и стал расхаживать по приемной.

Сквозь стены проник отголосок ужасного визгливого вопля. Кудеяр покосился на Каддигана. «Привычный и знакомый переход из кататонического в маниакальное состояние, – пояснил психотерапевт. – Нам платят за то, чтобы мы это терпели».

Дверь в боковой стене отодвинулась. На какое-то мгновение Кудеяр увидел внутреннее помещение, разделенное стеклянной перегородкой; за перегородкой находилась просторная камера. В дверном проеме стоял Базиль Тинкуп в строгой серой униформе.

2

Вечером Кудеяр покинул паллиаторий, нанял воздушное такси и полетел обратно над городом – солнце опускалось в оранжевую дымку за унылыми пустырями Разводья. Башни Мерцанта блеснули отражениями последних лучей заката, вспыхнув на несколько секунд пламенем печальным и торжественным, как погребальный костер – и потускнели. Начинали зажигаться городские огни; за рекой уже искрился всеми цветами радуги Карневал.

Кудеяр размышлял о новой карьере. Базиль был рад его видеть и заявил, что Кудеяр сделал самый мудрый выбор из всех возможных: «Ты представить себе не можешь, сколько у нас работы, Кудеяр! Горы работы! Так работай же – и продвигайся!»

Каддиган, между тем, покусывал нижнюю губу – видимо, представляя себе Кудеяра как очередного дилетанта, не способного предложить психопатологам ничего, кроме самоуверенного невежества.

«Было бы полезно, – думал Кудеяр, – хотя бы поверхностно познакомиться с профессиональным жаргоном». Но при этом нельзя было забывать о поставленной цели – во что бы то ни стало избегать путей, уже проложенных сотнями тысяч предшественников.

Следовало подойти к делу критически, не упуская из вида противоречия, отбрасывая слишком педантичные методы и слишком расплывчатые наблюдения.

Необходимо было изначально отказаться от почтения как к классическим, так и к современным авторитетам.

Он должен был научиться распознавать теории и методы, до сих пор не приносившие почти никакой пользы, и сторониться таких окаменелостей.

Но до тех пор, пока ему не представилась возможность продвижения – или до тех пор, пока он сам не создал такую возможность – он должен был выражаться на языке, способном заслужить одобрение вышестоящего персонала и Комиссии по медицинской этике. Подъем, подъем – несмотря ни на что! Пусть проигравший плачет!

Такси опустилось на платформу Флориандера, в самом центре Октагона. Отсюда, спустившись на лифте и проехав на ленте тротуара, до его квартиры можно было добраться за три минуты.

Кудеяр задержался у газетного киоска, где, помимо прочего, был установлен экран электронного каталога Центральной библиотеки, и просмотрел указатель. Он выбрал два трактата, посвященных общим вопросам психологии, и один справочник, содержавший подробное описание организационной структуры психиатрических учреждений и порядка управления ими. Набрав кодовые номера этих книг, он опустил флорин в прорезь автомата и уже через минуту получил три микрофильма в прозрачных пластиковых конвертах.

Продолжив спуск на лифте до уровня земли, Кудеяр вступил на движущийся тротуар Аллеманд-авеню и доехал до переулка Фариота.

Утреннее радостное возбуждение иссякло; Кудеяр устал и проголодался. Приготовив ужин, он поел, лег на кушетку и задремал на пару часов.

Когда он проснулся, квартира показалась ему безрадостной, тесной и неудобной. Взяв с собой микрофильмы и очки для их просмотра, он вышел под вечернее небо.

Прогулявшись по площади Эстергази, он повернул – просто по привычке – в направлении кафе «Далмация». Дворик перед Актуарием, темный и пустой в этот поздний час, казалось, полнился отраженными шорохами шагов дневных прохожих. Клеть Позора все еще висела над двориком, в ней все еще сидела сгорбленная старуха. Ее должны были освободить в полночь.

Кудеяр заказал чай с печеньем, приправленным горечавкой, и занялся изучением трактатов.

Через некоторое время он оторвался от чтения и с удивлением заметил, что кафе почти заполнилось. Было одиннадцать часов вечера. Кудеяр вернулся к просмотру текстов.

За пятнадцать минут до полуночи все столики были заняты мужчинами и женщинами, смотревшими куда угодно, но только не друг другу в лицо.

Кудеяр больше не мог игнорировать происходящее. Он вгляделся в тени на площади Эстергази. Там ничто не шелохнулось. Но все знали, что там прятались извращенцы.

Наступила полночь. Разговоры в кафе умолкли.

Клеть Позора покачнулась и опустилась. Стоявшая в ней старуха схватилась обеими руками за чугунные прутья, выглядывая наружу.

Клеть прикоснулась к мостовой, ее передний сегмент откинулся вверх – узницу освободили. Срок ее публичного наказания истек.

Все сидевшие в кафе чуть наклонились вперед и задержали дыхание.

Старуха вышла из клетки и стала осторожно пробираться вдоль фасада Актуария в направлении Бронзовой улицы.

Рядом с ней на мостовую упал камень, за ним – второй и третий. Четвертый попал старухе в бедро.

Несчастливая побежала – из темноты на нее обрушился целый камнепад. Один из камней, величиной с кулак, ударил ее в затылок. Старуха споткнулась и упала.

Камнепад продолжался – она лежала и вздрагивала от каждого попадания.

Но вскоре она сумела подняться на ноги, нагнулась, закрывая голову руками, бросилась к Бронзовой улице и скрылась за углом.

«Ммф! – отреагировал свидетель расправы, сидевший за соседним столиком. – Так-таки сбежала».

Другой отозвался голосом, полным укоризны: «И ты об этом сожалеешь? Чем, после этого, ты лучше извращенца?»

«Сколько их там? Камни падали градом!»

«Извращенцев становится все больше».

«Извращенцы, авгуры, пифии, хрен с маком... Что с нами будет? Не знаю, не знаю...»

Глава VI

1

На следующее утро Кудеяр явился в паллиатив без опоздания, каковое обстоятельство заставило его с горечью подумать: «Я уже такой же, как остальные ничтожества, жаждущие статуса!»

Базиль Тинкуп был чем-то занят и отсутствовал; Кудеяру пришлось иметь дело с курносим психотерапевтом.

Каддиган, сидевший за столом, продвинул к нему какой-то распечатанный документ: «Будьте добры, заполните эту форму».

Кудеяр просмотрел эту бумагу и нахмурился. Каддиган рассмеялся: «Заполните. Это ваше заявление с просьбой о приеме на работу».

«Но я уже работаю фельдшером», – возразил Кудеяр.

Психотерапевт с трудом сдерживал нетерпение: «Нет никаких причин для беспокойства – заполните форму, и дело с концом».

Кудеяр нацарапал несколько слов в пробелах, проставил прочерки и вопросительные знаки напротив тех вопросов, на которые он предпочитал не отвечать, и бросил документ на стол: «Вот, пожалуйста – история моей жизни».

Каддиган взглянул на заявление: «Возникает впечатление, что вся ваша жизнь – один вопросительный знак».

«Это не имеет практически никакого значения».

Каддиган пожал костлявыми плечами: «Вы очень скоро обнаружите, что местное руководство придирается к любым нарушениям правил. Это, – он указал на заявление Кудеяра, – подействует на них, как красная тряпка на быка».

«Возможно, местное руководство нуждается в стимуляции».

Психотерапевт ответил пристальным холодным взглядом: «Фельдшеры редко стимулируют руководство, не сожалея о последствиях».

«Надеюсь, я недолго останусь фельдшером».

Каддиган бледно усмехнулся: «В этом я не сомневаюсь».

Наступило краткое молчание, после чего Кудеяр спросил: «Вам приходилось работать фельдшером в свое время?»

«Нет. Я закончил психиатрический колледж в Хорсфройде. Работал два года стажером в приюте для сумасшедших преступников в Осоковой Низине. Таким образом, – Каддиган слегка развел тощими руками, – мне удалось избежать самой неприятной работы». Он смерил Кудеяра язвительно-вопросительным взглядом: «Вам не терпится узнать, в чем будут заключаться ваши обязанности?»

«По меньшей мере не помешало бы».

«Хорошо. Откровенно говоря, обязанности фельдшера отвратительны, а иногда и опасны. Если вы нанесете травму кому-либо из пациентов, из оценки вашей профессиональной пригодности вычтут несколько баллов. Никакое насилие или проявление эмоций не допускается – если, конечно, мы сами не поддадимся маниакальному приступу». Глаза Каддигана сверкнули: «А теперь, будьте добры, следуйте за мной...»

2

«Вот наша маленькая империя», – иронически произнес Каддиган, обводя рукой помещение, по какой-то непонятной причине вызвавшее у Кудеяра ассоциацию с музеем. По обеим сторонам палаты стояли рядами больничные койки. Стены были бледно-бежевыми, постельное белье – снежно-белым, пол покрывали, в шахматном порядке, коричневые и серые квадраты линолеума. Каждую койку отделяли от соседних перегородки из прозрачного пластика, образуя по сторонам центрального прохода вереницы отделений, напоминавших стойла коровника. Несмотря на исключительную прозрачность пластика, отделения в дальнем конце помещения выглядели уже расплывчатыми и потемневшими, как множественные отражения в противопоставленных зеркалах. Пациенты покоились на спине, безвольно вытянув руки по бокам. Одни лежали с открытыми глазами, другие зажмурились. Все больные были мужчинами лет двадцати-тридцати. Постели были безукоризненно заправлены, чисто выбритые лица пациентов розовели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.